

18+

Юрий Слобода

Книга вторая, романа «В поисках Атлантиды»

ПОТОМ ПРИШЛИ БУРЖУИНЫ

Юрий Слобода

Потом пришли буржуины

«Издательские решения»

Слобода Ю.

Потом пришли буржуины / Ю. Слобода — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510550-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В книге Юрия Слободы повествуется о недалёком прошлом некогда великой страны, СССР. Рассматривается как целая эпоха, так и частности. Отсчёт времени начинается с будущего — 2045 года. Это спустя столетие после величия советской державы. Начало и середина 90-х XX века. Герой романа движется по необъятным просторам своей преданной Родины, наблюдая за происходящим. Огромный советский материк ушёл в небытие, стираясь с политической карты и истории Земли... подобно мифической Атлантиде...

ISBN 978-5-00-510550-9

© Слобода Ю.
© Издательские решения

Содержание

Судьба мастера	8
Час измены	31
991-й год от рождества Христова	35
1991 год от рождества Христова	40
Кавалеры ордена Лукоморья	42
В обществе владычицы океана	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Потом пришли буржуины

Юрий Слобода

© Юрий Слобода, 2020

ISBN 978-5-0051-0550-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Продолжает катиться по необъятным просторам Родины своей художник Андрей, а континент рабочих и трудящихся медленно погружается в небытие, как Атлантида. Исчезла великая иллюзия коммунизма. И жизнь проповедует «новые» нравственные законы и принципы бытия, старые, как мир:

Не украл – ты нищий.
Не обидел ближнего – ты лох.
А мудреца награждает забвением.
И гения делает посмешищем.

Молодость его полна впечатлений, нескончаемая дорога и тайна, которую нужно раскрыть – найти Атлантиду, о которой у него всё больше информации. А в это время огромная страна его, шестая часть суши планеты, распадается на части, как разбитый кувшин, опускаясь на дно истории, подобно легендарной Атлантиде.

Книга, отчасти, автобиографична. И, думаю можно сказать:

– И я там был и водку пил! Имея сношения со всем прочим, что не чуждо обыкновенному смертному.

Поступая по велению сердца.
Не изменяя своим принципам.
Восхищаясь талантом и презирая паразитизм во всём его проявлении.
И поджидая прекрасных дам на всех жизненных перекрёстках, которые уготовила судьба.

А ещё говорится здесь о том: что может быть, или было, и чего никогда не было, и быть не может.

Книга вторая, романа «В поисках Атлантиды»

Судьба мастера

«Иногда лучший способ погубить человека – это предоставить ему самому выбрать судьбу».

М. Булгаков

По улицам спешила весна. Спешила прожить свою молодость.

В пустяковых хлопотах закружилась перед зеркалом неба. Ей было хорошо и беззаботно. Ещё не скоро чёрный ворон накаркает старость. И прошлёпает она по улочкам и скверам желтолапой осенью. И пустят набухшую женскую грусть седые облака.

Блудный ветер ворвется в её распахнутую душу. Вывернет наизнанку девичью судьбу. И вылетит сквозь зияющую женственность. Рассеивая холодным сквозняком мираж тепла...

Впереди ещё так много отрыдать: пролиться искренними майскими ливнями и глотнуть нечаянной солнечной радости. Выкупать трепетное тело в первой волшебной радуге, бросившись в небо...

А пока, запах нежности цветущего девичества ещё секретно готовит черемуха. Впереди целая весенняя жизнь. Ещё не осень.

Играли зеркальной улыбкой витрины, прилизывая физиономии солнечными гребешками. Трамвай подвозил попутчиков. Салон раскачивало шумное студенчество. Доброе время, когда можно прославить юность. Подростки-мужчины отпускают важные взрослые усики под носом. А ветреное девичество – женские длинные ноги.

И только скромная бабуся, забытая в уголке, убаюкивала авоську с яйцами. Нашептывая им, как квочка, пасхальные старушечьи сказки.

Вагончик трамвая высадил его на окраинке. В зелёных садах. Где, как капусту облепили клейкие сочные листочки, солнечные зайчики. Тепло оседало воздушной пылью. И лопухий ветер гонял по улице пыльные облака. Из палисадников кособоко высовывались крышами ветхие домики. Одинокий столб, выбредавший из телеграфного прошлого, остановился и склонился над обгрызенной тротуарной плитой. Под облупившейся вывеской собрались воробьи, перед потасовкой кучкуясь и утаптывая пыль.

Дом, который искал Андрей, был напротив. Сквозь серую штукатурку козырно выпячивал красную лысину кирпич, проедавая известковую кору. Веранда из серой древесины, оплеванная сгустками зелёной краски, вылупилась лопнувшими стёклами. Скрипучую лестницу, ведущую на бывшую мансарду, состарило обшарпанное время.

Мужской дух отсутствовал здесь. В приоткрытую дверь Андрей протиснулся, как привидение в склеп, пробуждая антикварную тишину от спячки.

Музейные внутренности особняка подсказали ему, что здесь жил когда-то старый мастер. Когда умирает маэстро, даже рухлядь продолжает дышать шедевром его души.

Зала в стиле нищего ренессанса была придавлена убожеством. Ширма кофейных гардин прикрывала ветхостью медную позолоту музейного хлама. Сквозь ржавые дыры тюлевого полотна просвечивали лазурными образами рваные куски чистого неба. Сухой луч дымил пылью, над раскрывшейся столешницей чах солнечный зайчик, фальшивым брильянтовым сиянием. Лопнувшие резные ножки ещё удерживали её на деревянных жилистых подпорках.

Холсты, натянутые с паутиной на подрамники, проявлялись в полумраке ожившими шевелящимися существами. Андрей склонился над тайным изображением.

Сурья, регент Солнца, выезжал на колеснице. С атрибутами Вишну, восседающего на семиглавом змее. Золотое колесо завязло в густой ведьминой паутине, забуксовав. Чёрный

паук-крестоносец не выпускал божество индуистского пантеона на свет божий. Опутывая его, вместе сдохлыми мухами.

Андрей открыл им солнце, отодвигая гардину. И глаз споткнулся на подоконнике о чёрную статуэтку. Пальцы его ощупывали резную фигурку, прикоснувшись зрением к мадонне с младенцем.

Нежилые комнаты особняка хранили присутствие человека. В объёмной кухне, совмещенной с ванной комнатой, теплилась жизнь.

И Андрей набрёл на хозяев, которые проживали домовыми в собственной многокомнатной хибаре.

В неухоженной пересохшей ванне, раскинувшись, как император древнеримских бомжей, дрыхло мордатое мужицкое существо, поросшее рыжей щетиной.

Рядом, на замусоленной подстилке, выгнув хребет в дугу по-собачьи, нечистоплотно скукожилось другое существо с человекообразным рылом, обнимая сонно чекушку. Андрей присел на дубовый табурет, разглядывая закадычных братьев. Обдумывая ситуацию, озадаченный, как астронавт, столкнувшись с иной жизнью.

По скользяще-сальной тарелке прокатился задницей таракан, жируя, как скоморох на масленицу. Похлебал рассолу из раздавленного мочёного помидора и отвалил, поблёскивая копчёным золотистым брюшком.

На липком кафеле стен кустился мхом пенициллиновый гибрид.

Из разболтанной створки массивного рутинного комода выглядывала скомканная жёлтая фотография. Андрей разгладил скрюченный глянец, высвобождая её.

Сердце узнало глаза старого мастера Изумруда. В живых морщинках застыла лёгкая житейская грусть. А за ее пределами лежало неизмеримое отражение души. Там, где перетекала вечность из одного состояния в иное. И только разумная мысль формой образа может проникнуть в плоскость этого космического пространства.

Львиный храп разодрал тишину, как дракон, охраняющий тайну. Выпорхнула астральная тень мастера из матрицы-фото.

Андрей закрутил рычащий кран, погнал со стола тараканов. Время подстрекало к действию.

Когда же пробрались сюда эти домовые черти? Ждут, как бактерия вируса, или вечно живут в утробе организма, выжидая случая, когда можно расплодить себя в мусорную мразь. Разбежавшись по земле паразитирующими мутантами.

Андрей растолкал орангутангового жлоба в ванной. Из скрюченных пальцев его забудыжного кореша извлек еще тёплую четвертинку, и сунул ему в глотку. Создание опорожняло ёмкость, приводя булькатые зенки в божеский вид. Оживая, он заворочался, Мутно-белёдые глаза наливались туманной осмысленностью. Красная морда выдавила человеческое мычание.

– Дядя Алёкса, – представился он, протягивая грязную мохнатую пятерню.

Андрей сунул туда замусоленную купюру. И изложил ситуацию.

Дядя Алёкса стал будить собутельника. Он, как факир, возвращал к жизни молодого родственника, ухватив его за загривок медным крючком бамбуковой трости. Перетягивая по ребристой поверхности, выбивая от пыли, как матрац, и изгоняя дурные мысли.

Тот тупо отбрыкивался, по-собачьи огрызаясь на фамильную трость. Наконец, жёлтая трость с белым костяным слоником, была отставлена в сторону.

Дядя Алёкса и племянник Пипыч не были родственниками по крови. Но он по-родственному поучал его жизни. Разница в годах, отмеченная в детском возрасте, процарапала жирную полосу в субординации и затянулась петлёй пионерского галстука.

Алёкся, вызревая в красномордого подростка, вождя маленьких негодяев, превращался в уличного наставника, регулируя из подворотни сопливой шпаной. Подстрекая к мелким выгодным гадостям, выдавливая подлость из ближнего.

Подрастала и бригада подлецов. Служители закона сурово причёсывали её, выдергивая из блатных рядов дерзость и вшивость. Идейный вдохновитель оставался в тени. Лишь скользкая физиономия, побитая дробью веснушек, словно за кражу солнечного детства, поросла мужицкой рыжей щетиной.

На острове человеческих объедков верный спутник пьяного Робинзона каннибал Пятница. И в последний его час, пуская обильную алкогольную слезу, он закусит по-братски его печенью, чтобы получить львиную долю от всего, что ему не принадлежит. Выдавлив последнюю каплю в глотку.

Дядя Алёкся, наконец, привёл к жизни свою боевую алкогольную единицу. Задубевшие глаза Пипыча размякли, пустили влажную искренность и преданно забежали.

Дядя Алёкся объявил задание. Разбухшая морда подобрела.

Шмыгнув носом, Пипыч шустро соображал, жадно думая вслух. Мысли притопывали от нетерпения. Придерживаясь ногами за пол, он выдавал версии, как математик, изобретая теорему логическим путем:

– Имеется чудный самогон у девки Кулички. Алес гут! Но отвинтит башню сожитель этой чаморошной барышни. Я там должен.

Пипыч кокетливо сконфузился.

– У бабы Жени лечебный самогон из натурального гуано.

Пипыч зыркнул шустрым оком на гостя.

– Букет впечатлений.

Информация протекала мимо горла. Дядя Алёкся занервничал, разминая в руках бамбуковую трость с боевым металлическим набалдашником.

Слюнявый язык Пипыча снова усиленно заработал:

– У «инвалида» самогон жлобский и на карбидной дури. В желудочной кишке в метан превращается. Дешево и сердито. Фирменное клеймо – Алес-капут. Я пробовал. Что дальше? Зрочки вопросительно выползли из башки.

Андрей, как господин купюры, отверг заманчивое предложение.

– «Шлёп-нога» закваску вчера поставил. Можно к нему наведаться за товаром. Правда, я ему персидский ковер с молью провалил. Так он мне эту бодягу с клопами врулил, по-честному, а?

Пипыч усердно перемывал кости самогонных гангстеров местного разлива. И перешёл к досье производителей соседнего квартала, где он брал кредиты. И чудный самогон испарялся, исчезая, как джин от пьяницы Алладина, готового обменять волшебную лампу на мутную бутылку ослиной мочи, настоящей на верблюжьей колючке.

Дела пахли керосином, а вовсе не самогоном. И рыжий родственник ухватил его лечебной тростью по шейным позвонкам.

– А что, казёнку купить не проще? – поинтересовался Андрей.

– Так «сухой закон» в стране, – в две головы произнесло сине-рыжемордое существо Пипыча и Алёкси.

– Водка с двух часов и по лимиту.

– Всего-то проблем? – Андрей изъял смятую денежную бумажку.

– Следуйте на инструктаж, – скомандовал он домовым братьям.

– Выпуливайся, – буркнул дядя Алёкся приёмному родственнику.

Улица пылила лёгкой жизнью. А безжизненная тишина магазинной лавки обволакивала безалкогольным ужасом. Продавщицы сонными глазами обвешивали мух.

Андрей запустил зрение в душу белого халата. Пипыч безнадежно покачивался за спиной, как испорченная стрелка весов. Дядя Алёкса презрительно мусолил ступеньку босым носком ботинка, с напряженным равнодушием, как перед дерзким ограблением.

Сияющая витрина щедро вывалила колбасные формы бараными органами. С высоты полок красовалась, в собственном зеркальном отражении, водочная батарея.

Стеклянная полка водочных бутылок дразнила воображение горемык-алкоголиков, как голодных лисиц крупные гроздья винограда. Утомленные солнечные блики скатывались по полированным бокам. Между тем, Андрей попросил любезную женщину взвесить и нарезать закуски.

– Колбасы нарежьте, девушка. Побольше и помельче, зубы плохие.

Отчекрывив, весомый шмат, она старательно раздробила его ножом, с холодной любезностью запаковывая в хрустящий пергаментный сверток. Андрей повернулся к запойным братьям, начиная демонстрировать иллюзион. Красная шайба дяди Алёкси вспотела от напряжения. Эфирное тело Пипыча затаилось в рубашке.

– А теперь, водочки! – выдал Андрей, обращаясь вежливо к продавщице.

Воздушное эхо разлилось по залу. Деловой зад развернули торговые работники. Будто услышали непристойность, которой можно посмаковать. Девушка с бабьим животом, ответственная за выдачу колбасных форм, выдала ехидную вежливость, заранее приготовленную для несчастных выпивох:

– Спиртные напитки отпускаются в строго положенный час.

Проглотив язык, Пипыч потерял интерес к жизни. Протухшая морда дяди Алёкси потухла.

– И на том спасибо. Тогда мне этой вкусной еды и не надо, – спокойно прореагировал Андрей. И пальцы бойко прокатились по витрине, любезно возвращая порезанную закуску.

Колбасную голову предстояло реставрировать по методу Герасимова. Умная продавщица уже сообразила это. И бутылка столичной опустилась на прилавок.

– Повезло, – промычал дядя Алёкса, отхлебнув на ходу жидкого счастья.

– Ага, – Пипыч, как верная муха мохнатого паука, делал заход на посадку.

– Чудная водка.

– Лучше бы повезло в чём-то другом.

Предприимчивость – одна из тактических эволюционных ступенек расторопной обезьяны. Сообразительность – вторая ступенька, нужно первому выхватить кокос. Житейская мудрость – стратегия выживания, всё захватить, показав собрату фигой красную задницу.

А сама «мудрость», в философском её понимании, в мусорной куче. Бери – не хочу. Как замусоленная колода игральных карт, хранит философский секрет египетских жрецов, созданная некогда, как первый календарь для исчисления годового времени, которым теперь играют в «дурака».

Влил Андрей свою донорскую кровь в запойный организм коллектива, не мудрствуя. Домовое привидение зелёного змея получило третье горло по штату.

Хлебая рабское пойло, между делом, познавал Андрей жизнь и смерть легендарного Изумруда. И душа его склонилась над ним.

Бесценен дар человеческого таланта. Не многим удаётся пробраться сквозь средневековые дебри глупости в грядущее понимание, потерявшись человеческой жизнью. Но преодолев космический час, превращается гений в титана. Он не воспользуется своей божественной властью. Он продолжает созерцать жизнь умными глазами. И видит свой крест. И час торжества Иуды. И он не наступит ногой на мир. Время не состарит гениальную мысль. Жаль, что его тело с корнями вырвет смерть.

Для бесконечной жизни времени нет. Есть час падения и взлета – космическая секунда вечной истины.

«Радуга расцвела на синей вершине Монте Альбано и протееёрла свою сияющую параболу над маленьким селением Винчи, над его белой башенкой, над чёрными кипарисами, и, сверкнув павлиньим хвостом в водах Арно, скрылась за крутогорбыми зелёными холмами... утро встречало юного Леонардо...»

Жизнь слепого мастера Изумруда, как жизнь Леонардо да Винчи – подвиг.

Сквозь зияющую занавеску продирался назойливый тонкий луч. Солнечный зайчик царапал белое глазное яблоко. Свежий, в дребезжащей росе, он скользил по застывшему зрачку, выглядывая в хрусталике свое отражение.

Слепой может видеть чутким зрением своего организма. На клетках тела прорастают и открываются «глаза», как из лопнувшей почки клейкое зрение листа. И он прикасается им к солнцу, ощупывая свет.

Катаракта окунула Изумруда в чёрную пустоту, когда ему еще не было сорока лет. И он стал учиться видеть заново. Настойчиво открывая зрение в каждой клетке зрительного центра мозга.

Послевоенную разруху преодолевала страна. Со слепым фанатизмом заглядывала в будущее.

Изумруд, как безногий инвалид, упорно выбредал из чёрного тоннеля в волшебный мир света. Раскрашивая его целебными красками Леонардо. Проявляя в них слабый цвет жизни

гениальным трудолюбием организма. Разглядывая из глубины подземелья мир зорким божественным зрением.

Каждый, кто умеет думать, имеет этот дар. Нужно лишь направить зрячие мысли к свету.

На захламленном чердаке, в пыльной рухляди Андрей наткнулся на обрывки записей старика, как на древний манускрипт воцеленого пергаментa. Где ожившая шкура заговорила вещим словом ясновидения. Наполняясь сказочной силой волшебного руна.

Перед ним все отчетливей прорисовывался образ слепого художника. И дух Изумруда, бродивший по рутинным галереям особняка, пробирался в башку, разговаривая с ним.

«Мудрецы древнего Китая определили землю, как Земной шар, логическим путём исследований. Это было ещё более двух тысяч лет назад. Полторы тысячи лет назад люди знали, что Земля круглая и вращается во Вселенной... Пятьсот лет назад люди знали, что Земля плоская... и лежит на трёх китах... Но истина остаётся...»

«А если нам не остается выбора – мы вынуждены признать: наши чувства могут стать причастными таким „ясноощущениям“ как форма и цвет... и имеют кроме грубой материальной также тонкую материальную природу – особый род излучений».

«Человек из целого моря световых волн может воспринимать оттенки от красного до фиолетового. Все более низкие или высокие тона, все другие излучения, как инфракрасные, ультрафиолетовые, рентгеновские, альфа, бета, гамма лучи, космические лучи и пр. остаются неощутимыми, и все же они существуют».

«Природа вложила в определенные организмы способность к определенному восприятию. Человек может обострить свои чувства через сосредоточение слепым созерцанием внутреннего „я“. Тогда отсчет времени мысли увеличивает свой динамический импульс. Приобретая устойчивость и растущую творческую силу созидания. Кратно увеличивая жизненную энергию. Возбудив творца внутри себя.» Становится возможным всё – как реальность существующего невозможного чуда.

«Галлюцинации, путем систематического упражнения, переходят в действительное восприятие действительно существующих предметов».

«Как и в поле нашего зрения существует слепое пятно на сетчатке глаза. Где еще зрительный нерв вслепую прощупывает изображение. Заполняя пробел воображением из подробностей окружающего фона».

Мысли мастера очаровывали Андрея.

– Организм – живое существо-работяга. Пробуди его к действию. Тогда крылатая мысль, совокупившись с телом, вознесёт тебя. И ты увидишь мир с высоты полета ангела.

Углубившись в обрывки записей, Андрей складывал из них, как из кубиков, шедевр жизни Изумруда. Тысячелетия сотрут земные имена, собравшие крупными своими жизней первую устойчивую молекулу гениальной мысли. Открывая новую ступень эры разумной энергии. Из бесконечности – в бесконечность.

И снова обрывки жёлтых сухих страниц... Словно печальный гербарий осени, захороненный в склепе времени. Где наматывает сугробы космической пыли вселенная тайна.

Пальцы Андрея задрожали. Он сам прикоснулся к ней... Старые скомканые листы открывали ему буквами кириллицы, мысли Изумруда... и то, о чём говорил безумный оракул кочегарки Фима...

– Да... силён наставник кочегарного оракула...

Андрей продолжил чтение, всматриваясь в обрывки текста.

...Время на планете Йо скоротечней, чем на Земле...

...Когда по нашей земле бродили динозавры – «Эра Разума» уже торжествовала у пришельцев. Они изучали Землю, очень похожую на их мир...

...Температура на Йо поднималась. Пересыхали океаны. Смещались полюса, изменяя магнитные поля и уровень активной радиации..

...Затем исчезла атмосфера... Энергия планеты иссякала...

...Но они успели покинуть свой дом, стремительно двигаясь по направлению к Земле...

...Стихии Земли были известны пришельцам. Космических знаний хватало, чтобы постичь тайны младшей голубой планеты...

...Но они ошибались. Капсулы йотов лопались, как скорлупа, попадая в атмосферу Земли. Глобальную катастрофу принесли они с собой, уничтожая почти всё живое и погибая сами...

...Тысячелетия понадобятся, чтобы на планете снова восстановился жизненный баланс... Уцелевших смогли уберечь воды океана. Там они создали свой микро-мир...

...Материализуя историю будущего, йоты ускорили распад цепочки своего общественного организма и полностью растворились в ДНК доминирующих особей воды и суши, дав им мощный эволюционный толчок. Произойти это могло только в местах активного сопряжения космических и земных энергетических сил....

...Пройдут ещё миллионы лет и из океана ступят на берег первые легенды, очеловеченные по образу и подобию сути...

...Первого дракона произвело на свет не богатое человеческое воображение, а скудные познания в археологии. Сюрпризами океана были останки ихтиозавров во время штормящих вулканических извержений. Так в мифологии народов Океании появился огнедышащий Циллотидн. А за ним и прочие существа-гибриды, населяющие воды океана...

Андрей выдохнул. В полушариях черепа происходили катаклизмы, меняя организм. Хребет мозга изгибался, как звероящер, а его штурмовали мутирующие нейроны. Но мир вокруг ещё не знал этого.

Паучок на ветхой балке гадко насильничал упитанную муху. Она отбивалась грубым целомудренным жужжанием. Мутузили на шифере друг друга воробьи. По чердаку шурша, побиралась мышь, проверяя свои заначки и наводя там порядок. Юный солнечный лучик на прозрачной свирели исполнял печальную мелодию света призракам чердака. И они кружились, обмахиваясь веерами пыли...

А глаза Андрея снова проглатывали тайну. Дальше шла мифология первых человеческих цивилизаций – атлантисов. И их божества океанов.

...Первое божество океана, которое войдёт в каменный дворец – Главная богиня и Верховная жрица, с именем в один звук и одну букву – О —. Храм-жилище – О – огромен, но аскетичен, как и подобает жрице морей и глубин.

Осьминогоподобная Сторктслин, довольствуется пещерой-гротом...

Рыбообразная Ри, вьёт уютное гнездо в коралловых зарослях рифов...

Божественная Киссо, затворяется отшельницей в раковине кассиды...

Никто из персон океана не имеет такого шикарного дворца, как океанида Ютистилента...

...Ютистилента – океанида волны, младшая сестра Гаи. Задорная и юная в окружении морских коньков и лёгких стаяк разноцветных рыб, и изысканных моллюсков. Любит безделушки и украшения. На голове Ютистиленты яркая актиния с весёлой пёстрой рыбкой; блёстки перламутровых чешуек на аккуратных ноготках....

...Эта океанида проказница. Любит запутывать сети рыбакам. Рвать паруса, заигрывая с молодыми духами ветров. И даже разбивать лодки о камни. А если рассердить юную океаниду, её воины превратят жилища на берегу в развалины...

Это последнее, что смог найти Андрей, перерывая архив чердака.

Роза Андреевна, R/A9kmm, тоже, с интересом вслушивалась и всматривалась в тайные записки старого мастера Изумруда...

А внизу, дядя Алёкса распределял, по закону джунглей, обязанности дневального по кухне... Собеязничав у Дарвина теорию «умных обезьян». Справедливость делилась по весу кулака на глаз. Приводя к слепому послушанию учебным фингалом Пипыча.

Андрей наблюдал за церемонией предстоящей секретной операции. Дядя Алёкса, жестикулируя тростью, как указкой, закреплял домашнее задание и объяснял новую тему.

Рыжий родственник наследника антикварного особняка, появился недавно. Пока Пипыч дрых и тунеядствовал, и не сдал стеклотару в приёмный пункт. Провалив с треском операцию «хрусталь»! Дядя Алёкса, шныряя по району в поте лица, надыбал секретную овощную точку.

Замаскированный, в одном частном секторе, овощной складик. Около которого он отирался, рыжим лисом, пол дня, обмозговывая тему.

Предстояло тайно пробраться туда, и изъять излишки. А Пипыч, мелкая сволочь, уже «принял на грудь», и это расценивалась, как саботаж и вредительство общему делу.

Дядя Алёкса приводил его в чувство бамбуковой лечебной тростью. Профилактика результата не принесла. Отходив фамильной шлёпалкой подопечного, ругаясь, на чём свет стоит, а вместе с ним Пипыч, дядя Алёкса отправился на задание один.

Как всё гениальное, решение оказалось арифметически элементарным. Так оно и было в тот ранний летний вечер.

Крупное солнце уже разгоралось красными дымными облаками. Пьяный сторож покачиваясь, как поплавок на волне, обильно орошал золотистой струей мусорную грядку с дармовым овощем. Проворный жук пёр в свою домашнюю нору навозный шар, презент от знакомой лошади. Ковыряла носом сухую какашку птичка. Оранжевые муравьи, натываясь на дядю Алёксе, верноподданно преклоняли сухожилистые члены перед рыжим божеством.

Злоумышленник из засады спокойно озирает лёгкий будничный пейзаж, укрывшись в густом уютном репейнике.

Сквозь заборную промежность охраняемой территории просунулась воровская физиономия, вызывая сторожа разбойничьим свистом. Охранник заспешил, как селезень на приманку, радостно прихватив увесистый чумал с заготовленным овощным товаром. Обмен на жидкую валюту состоялся в двух шагах от тайного убежища. Дядя Алёкса затаился в бурьянах.

– Вот гад, меняет нашу картошку на самогон.

Замусоленные и домовитые личности появлялись с чёрного хода, скликавая дедка стеклянным перезвоном. Бойкая торговля шла до глубокой ночи. Взмыленный сторож волочил последний мешок, рассыпая репчатый лук по бездорожью. Скользя на раздавленных картофельных огрызках и морковной ботве. Его бросало в стороны, как на штормящем ботике. Скрюченными пальцами он удерживал мешковину, взбадриваясь пиратской бранью. Обменяв удачно сокровища на достойную порцию рома. Украсть уже было нечего. Дядя Алёкса загрустил.

Выкатил жёлтое бельмо луна, подсматривая из-за рваного облака за законным разбоем. Одичавшую песню затянул цепняк, демонстрируя важно новый брезентовый ошейник.

Хищное око дяди Алексии всё же присмотрело добычу – увесистый драный мешок, набитый почти доверху мелкими картофелинками, замаскированный завявшим лопухом. Товар предназначался для домашнего питомца сторожа, хрюкающего в его будочке. Хряк с удовольствием лопал этот деликатес, разбавленный с помоями.

В трезвой башке дяди Алексии снова сработала предприимчивая мысль. Он уже торопился, продираясь сквозь ночь. Ценный чумал пригибал его к земле. Товар предстояло обменять на равноценное количество первача. Дядя Алёкса ликовал, выплетая подошвой мудреный самогонный краковяк.

Он уже будил Пипыча, чтобы похвастаться добычей. Пипыч сунул голову в пыльную мешковину, рассматривая картофельный казус. Щедрый гостинец не внушал серьезной сытости. Он уставился на наставника, тупо изображая глубокую пионерскую преданность. Для гороха это был бы весьма солидный бобовый корнеплод. А для картофеля – земляные орешки.

– Это ж голландский картофель, ценится, как трюфеля.

Пипыч недоуменно зачерпнул и высыпал на ладонь рассыпчатые картофельные шарики, дробные, как горох.

– Одуренная чепуха...

– Приобрёл, по случаю. Товар нормальный.

Дядя Алёкса сам подозрительно рассматривал свою находку. Пипыч недоверчиво перебирал мелкие жёлтые клубни.

– Отлетит, аж бегом, – успокоил дядя Алёкса, потирая красные лапы.

– Чудный картофель. Выпуливайся с товаром.

Пипыч угрюмо нахлобучивал на спину чувал, как верблюд порочный горб, доставшийся по наследству. И шагнул в черную пустоту ночи, гадко сплюнув липким плевком в паутину. Безработный паучок радостно ломанул навстречу болтающейся гуманитарной помощи, доставшейся на шару.

А Пипыч уже шлёпал по улице на ближайший огонёк.

Детство баловало его ленивой роскошью. Из изысканного сервиса вундеркинда он выковыривал свою изюминку.

Отца его знали и уважали. Старый Изумруд вылепливал слепыми пальцами авторитет чудотворца.

За чудеса платили крохи, выжимая из скупости капли. Вся жизнь его протекла сквозь горбатые пальцы, батрачившие на «бедных» толстосумов. Но он её не жалел, раздавая талант близким и незнакомым, детям и просто людям, всем, кому служил верой и правдой.

Выращенный талант, как зерно надежды, он вкладывал в младшего сына. Позднего, доморощенного, с нежной тепличной кожей. Чувствуя слепым зрением, как превращается одомашненный кукушонок с жирными крылышками из нежного стебелька мимозы в бесформенное нутро с именем, прилипшим из бластной подворотни – Пипыч. Похожим на раздавленную клизму.

Когда повзрослевшая дочь выпорхнула в замужество, супруга покинула незрячего инвалида вместе с гениальным отпрыском. Фундаментальное творение слепого зодчего дало первую невидимую трещину. И побежала она, паутиной оплетая дом. Высасывая творчество мастера отовсюду, как раковая болезнь, оставляя скелет рухляди.

Первая молодость Пипыча не была безысходна. Гениальные гены отца ворочались под рёбрами. Пинками побуждая к созидательной конструкции хитрую мозговую извилину.

Пипыч, вышколенный подворотней, степенно превращался в пижона уголовного колледжа, проявляя криминальный талант, не размениваясь по мелочам. Начал он с хрустящей купюры с изображением вождя, достоинством в сто советских рублей.

Из шурующей груды купюр папаша он собрал одну неподдельно новенькую. С изобретательным хирургическим мастерством разрезая тонкими полосочками и склеивая с последовательным совершенством. Звенящее лезвие скальпеля производило 68 надрезов. Из сотни сторублёвых купюр получалось – сто два денежного знака. Две сторублёвки его, Пипыча! Будто свеженапечатанные они были без видимых изъянов, сохраняя все прежние достоинства, изумляя невооруженный глаз и чувствительный пальчик продавца. Сотки с хрустом отлетали. Маэстро-младший принялся за работу, продолжая опасный опыт, как Нобель над гремучим газом, изобретая динамит.

И оно разорвалось. Бабахнув Пипычу семь лет с конфискацией.

Связи расторопной мамыши, сбережения старого Изумруда и «психически неполноценное здоровье» криминального вундеркинда, которое сфабриковали Пипычу, свели срок до четырехлетнего минимума.

Вышел Пипыч через два года, зашуганный и мрачный. Усердный талант свой навсегда закопав возле мусорной парашаи, и на могилу помочился. И улизнув по болезни от армейской службы, принял должность отставного коменданта особнячка папани.

Тут и вынырнул старый кореш из глубины детства. С которым они встретились по нечаянной случайности судьбы, как дальние родственники, за железными воротами закона.

Умершего папашу ему безнадежно заменил дядя Алёкся. Примазавшись в крестные отцы уголовного гения. Время снова попустило вожжи. Пипычу удалось отыграть загубленный талант в карты. Но жизнь опять врезала ему локтем в сопатку. И он притих, скатившись до мелких самогонных шулерств. В чём снова проявлял гениальность бакалавра шарлатанства из знатной подворотни.

Тихая ночь оказалась злобной, как шавка, цапнувшая из переулков темноты. Пипыча гнали отовсюду с попрошайным мешком. Он тупо волочил его за собой, как налижавшийся вурдалак грыжу.

И лишь под утро чудная девушка Куличка, сексуально разжалобившись, приголубила его мутными остатками браги. Пипыч нудно изливал горькую гнусность жизни, налижавшись её липкого тела, запивая густо-кофейным жмыхом вонючего пойла. Но, малость протрезвевший подозрительный сожитель шустрой барышни, любезно угостил его дрыном по рёбрам, поймав у секретного бидона с брагой в кладовой. Радужной хозяйке пришлось потурить бухого героя-любовника.

Свежее солнце спелыми ядреными утренними лучами разъедало глаза.

Раскачиваясь, как пьяный вампир, насосавшись смертельной трупной дозы, он возник перед дядей Алёксей, приветствуя светской наглостью шальных кроличьих глаз. Ноги и сознание отказывали ему.

Медная морда дяди Алёкси закипала, как чайник.

– Где чемергез?

Пипыч преданно замычал.

– Самогон где, мелкая сволочь?!

– Всё алес-гут... – последнее, что простонал он, выдавливая нечленораздельное жидкое оскорбление...

– Не гони беса... Алёкся...

И завалился на приёмного родственника. Изнервничавший дядя Алёкся напрасно хлестал его измочаленной бамбуковой тростью, как мухобойкой. Она отскакивала от деревянного тела, как каучуковая дубинка. Андрей отстранил его от экзекуции. Констатировав летальный исход от смертельной дозы жизни.

Сын гениального Изумруда скончался, не приходя к сознательной трезвости. Игнорируя белый свет циничной улыбкой, запечатавшей синие губы.

Одинокая траурная лента, вплетённая в прощальный могильный венок, трепыхалась, как обрывок с бескозырки вольного пирата беспечно «чудной» судьбы... Скупая прозаичная эпитафия – «Игорьку от сестры» – открыла его имя, вытащив из мусора, посмертно.

Дядя Алёкся заливал стеклянные глаза горячей слезой. И после сжатых похорон растворился, как демонический дух – хранитель потухшего самогонного очага.

Что адские муки, которыми стращают религиозно больные старушки, против крошечной жизни? Райское похмелье.

Но и в пекло заберется запойная рыжая субстанция забулдыжного родственника, как трутень в медовый улей, налакаться огненной смолы от пуза. И там найдет упоение.

Пугает сатана, нализовавшегося до чертиков, ужасом белой горячки, как младенца. А самого его, должно быть, раздирает в бреду вечная галлюцинация – кошмар человеческой жизни. А белые херувимы в пернатых халатах натягивают смирение на него.

Спокойное лето накрывало чистой простыней небо, где могла бы отдохнуть уставшая душа, парящая в облаках. Первая жара слизывала с асфальта горячее тепло, дымила прозрачным воздухом. Солнце размазывало по стёклам лучи, художничая зеркальной кистью. Ухоженный кот, на чужом подоконнике, сонно пускал пыль в глаза воробьям, лоснясь сытой плюшевой шерстью. Пёстрая улица встречала и провожала серьёзно глупеющих прохожих.

Андрей попал на центральную площадь города. Где шумное время останавливается, застывая в монументальной величии. Она напомнила ему лобное место на перекрестке историй.

На площади Улан-Удэ огромная бетонная голова вождя лежала словно на плахе, обезглавленная. С застывшими гранитными мышцами лица. Город не замечал скульптурной композиции. А Андрей был ошеломлён, как витязь у мёртвой головы великана. Голова титана спала летаргическим сном, отождествляя замороженную вечность остановившегося времени. Охраняя коммунистическое бессмертие.

О чём думает голова каменного идола? Хранит ли камень память пещерной жизни, когда поклонялась ему, как первому богу?

Андрей оторвал взгляд от магнетической силы площади. И снова погрузился в пёстрый шум и гам города. Он искал дочь мастера Изумруда.

В здании исторического музея Андрей наконец увидел её – живой экспонат красоты в образе смертной женщины. Умных посетителей не было. Спокойная музыка тишины разлилась по его залам. И в глубине, как тень монгольской Офелии, бродила над сокровищницей национальной истории, молодая Кира Изумрудовна.

Андрей снова изумился, прикоснувшись зрением к её родниковой чистоте. Как поэт, столкнувшись лоб в лоб с грацией из сонета. Обаятельная грусть миндалевидных глаз излучала невидимое сияние, по которому узнают святых. Чёрная тугая коса завершала образ женщины из потусторонней мечты. Она волшебным проплывала по паркету, как по плоскости льда.

– Кира, – окликнул он девушку из саги. Эхо мраморной тишины разбудило музыкальный залу.

Кира не хотела говорить об отце. Надежда на взаимность растаяла. И она сама растворилась в тяжелых портьерах служебного входа.

В музее он пробыл долго. В храме истории, как в церкви, становишься сопричастным к тайне. Мысли пьют энергию шедевров.

Развоплощённые астральные духи выплывали из экспонатов, совершая прогулку по времени.

Это можно увидеть так же, как дыхание жизни распускающегося утреннего луча. Когда ты и город – один на один. Прощупывая друг друга тайным вниманием.

Покидая пустые залы и направляясь к выходу, Андрей снова заметил зачарованную женщину. Кира смотрела сквозь стекло двери, в задумчивой позе медиума. Остывающий солнечный луч бликовал на перламутровых дольках серебряной сережки. Соскользнув, скатился по щеке... В зеркалах глаз отражалась стеклянная даль неба.

Но не это поразило Андрея. За спиной женщины качнулся контуром призрачный силуэт, прорисовываясь в чёткую бронзовую фигуру с птичьим, орлиным профилем. Человек-птица, сверкнув ястребиным глазом, повернул голову к нему, заглатывая желтым зрачком его трепетную мысль. Вздрогнула хищная ноздря клюва.

Фантом приобретал устойчивость, будто сам египетский бог Ра сошёл на землю.

Андрей продолжал двигаться к нему, но видение не растворялось.

Он наткнулся на Киру. Пальцами входя в невесомую пустоту духа. Пелена всколыхнулась как вода, и призрак исчез.

Глаза Киры склонились над ним, приводя в душевное равновесие. Испуг уже вспорхнул с бледного лица.

– Что так взволновало вас?

– Ничего. Всё равно не поверите.

Андрей приводил в порядок растрёпанные мысли, извиняясь искренней улыбкой.

– Мне показалось, что за вашей спиной сам бог солнца, Ра, опустил ангелом-хранителем.

Правдивая шутка вызвала неподдельный интерес.

– Со мной может такое происходить.

Серьезное лицо Киры раскрылось.

– Древнее божество – человек-птица? Бронзовое тело с орлиным профилем?

Она подробно описала его видение.

– Да.

– Это и был он – Ра. Верховный бог Солнца.

– Не может быть.

– Но ведь может.

На улице галлюцинация не возобновлялась. Возможно, присутствие людей мешало этому.

Они шли по краю серого тротуара, обходя стремительных прохожих. Постигая друг друга доверчивой беседой, откуда произрастает первое понимание.

– Вы мне напоминаете тунгусскую Синильгу.

– Дух женщины ханты-мансийских аборигенов? Длинноносые европейцы считают нас всех на одно лицо.

Андрей улыбнулся, разглядывая её загадочный восточный овал, как простак Буратино японский профиль фарфоровой Мальвины.

Она уже охотно разговаривала, вспоминая отца. Оступившись нечаянно в запретную тему, полетела туда, как в колодезь с живой водой, возникшей из миража. Гостеприимный сквер впустил их в заповедную зону влюбленных, когда легкий летний ветер шёпотом листьев заговаривал сумерки. И вечер зашторил небо.

Смолянисто-чёрная коса скользила в её пальцах. Она перебирала её, приводя воспоминания в живые образы.

– Отец мог видеть то, чего не видели другие. И он пытался открыть этот мир для них.

Воображение и реальность на одной грани возможности. Добровольно пройтись по лезвию бритвы удаётся тем, кто верит в небесную твердь, даже если там бездна.

Мысленный образ ищет пристанище – форму, где он обретёт устойчивость, согласно космических законов. Как форма колеса, в которую загнан энергетически потенциальный дух вращения.

По светлому небу уже плавно покатила круглая луна. Забуксовала в серебряных облаках, брызнув звёздным сиянием.

Ясная ночь разлилась над городом. Лунное свечение земли излучали фонари.

Кира повернула свое красивое лицо и тени шмыгнули из уголков глаз в густой воздух ночи. Где набухает интимная близость крошечных звёзд неба, мечтающих о галактике. И где суется копошащиеся тела Земли, населяющие насекомых жизнь. И у каждого, свой час времени.

– В каждом заложена реальная возможность сотворить чудо. Как у канатоходца, идущего под куполом, демонстрирующего беспредельную возможность совершенства организма.

В прозрачных облаках таял фосфорный диск и вновь разгорался от лёгкого дыхания ночного неба.

– Тебя больше не посещает видение призрака? – спросила она.

– Можешь говорить спокойно. Все равно он в твоём подсознании. А значит здесь.

Боковым зрением он стал замечать возникающий силуэт божества.

– Ну вот, он уже среди нас. Совсем рядом.

Не поднимая глаз, Андрей рассматривал его крепкие кисти рук, отливающие лунной медью. Пальцы сильные, длинные, заканчиваются металлическими когтями. Вздогнуло натянутое сухожилие. Он поднял глаза. На него в упор смотрела орлиная голова с янтарным немигающим зрачком. Колыхнулось сердце. Седое перо на его загривке шевельнул ветер. Призрак был величественно спокоен и молчалив.

– Должно быть, он действительно твой ангел-хранитель.

– Мне не до шуток. Все было бы довольно-таки забавным, если б я его не изваяла таким в мыслях, собственноручно выписав на холсте. Что он сейчас делает?

– Ничего. Слушает.

– А понимает?

– Почему нет. Твое творение.

– В оккультизм я не верила, но всё же, интереса ради, вызывала его с полотна.

– Для чего?

– Чтобы получилось.

– Ну вот и пробил звёздный час мастера.

Кира старалась смотреть в пустоту осмысленно.

– Где он сидит?

Андрей рукой прикоснулся к призраку.

– Ну вот, его и нет.

Через время он опять появился.

– Он питается твоим страхом. Напивается агрессивности. Перестанешь нервничать – разрушишь фантом.

– Когда я его увижу снова?

– Не знаю. Может быть никогда. Это не только твой феномен. У каждого их предостаточно.

Золотую пригоршню звезд по-цыгански бросила ночь в небо. И они разлетелись, как искорки от тлеющего костра земли, где кочующая вольность разбила случайный ночлег.

В ладонь Андрею заползли гибкие пальцы девушки. Укрыться от чёрной зияющей пустоты, погреться нечаянной нежностью или спрятаться на время от пугающего одиночества.

– Ра с нами?

– А где же ему быть?

– Идёт?

– Парит.

Галлюцинация размеренно и плавно двигалась за своей хозяйкой.

– Когда умирает близкий, дух его витает среди нас. Только это не душа покойного. Воображение материализует подсознательный образ. Иногда мы сознательно создаём его сами. Наши эмоции рожают демонов.

Силуэт двухэтажного дома вырос из темноты.

В подъезде, в слепом мерцании угорала одинокая лампочка, как погибающая бабочка в стеклянной колбе для опыта... И умирала, слабела её жизнь на вольфрамовом волоске.

Парадная дверь женского общежития, окованная дубовой фанерой, была плотно закупорена надёжным заступом изнутри. Дабы не вломился сюда тать-любовник. И не смог веро-

ломно отобрать девичью честь у слабой женщины в сонном состоянии. Обдурив любовными гнусностями.

Кира тарабанила интеллигентными пальчиками в стеклышко, поднимая бдительно дремавшую вахту по тревоге.

Андрей выдавил любезность грозной старушке, возникшей в зияющей щели дверного проёма. Авторитет Киры Изумрудовны успокоил её. А, может быть, это был гипноз? Бабуля по-кошачьи умасливалась на мягкий диванчик, расправляя белизну простыней и одеял.

– Я работаю здесь по совмещению, воспитателем, – пояснила Кира.

Здесь стерильная моральная чистота девичьей невинности свободно сочеталась с бесстыдством женского борделя. Как уживается барокко и рококо с монументальным социалистическим реализмом в бытовой прозе жизни. Где баба-мутант, произошедшая от непорочной обезьяны, планомерно превращалась в советскую женщину. Наглядно соперничая с буржуазной дамой, посредством политического плаката.

Ажурные пеньюары, пошлые импортные лифчики и прочие западные штучки, исполняли запрещенный стриптиз-балет нижнего белья. Подвешенные комсомолками на бельевые веревки, как души грешниц.

Кира проворно открыла нехитрую щеколду замка.

– Ну, заходите, – обратилась она к странствующему философу-донжуану и призраку за спиной. Включила свет, переступая порожек.

Андрей раздвинул портьеры... И очутился в маленькой комнате, как в историческом прошлом, разглядывая антикварный интерьер. Приданое Изумруда навеяло лёгкую грусть.

Под пластами антикварного хлама лежало мыслящее мастерство. И только пытливый ум сможет проникнуть в тайный замысел гениального творца, совершив эксгумацию таланта.

Глаза привыкали к обстановке, ощупывая предметы и картины. На обратной стороне стены в тяжелом чёрном багете гордо застыл прообраз демонического божества Ра. Таким, каким его увидел Андрей. Одетый в бронзовое тело с медным орлиным клювом. Шёлковое белое оперение отливалось на макушке маслянистой желтизной. Прозрачно-хищное веко было готово мигнуть. Истукан вглядывался в него, словно живой, немигающим восковым зрачком.

Духовная субстанция растворилась в своей матрице.

– Ну вот, он вошёл в свой склеп.

Потом они пили чай. И сонная деревянная кукушка, выползая из служебного домика часов, загоняла их хриплыми намеками в чистую постель хозяйки. Кукуя житейскую мудрость изношенным механизмом часов.

Но Кира исчезла за резной фамильной ширмой, пожелав спокойной ночи беспокойному сердцу странника.

В жидких сумерках плавали призраки нежности. Старой кукушке снился маленький кукушонок, брошенный ею когда-то... А душа, направляясь в полёт ночных грез, расправляла воздушное оперение. Андрей лежал, забросив руки за голову, рассматривая шевелящийся портрет.

А ночь уже отзывала своих вассалов. Седое утро напозало на город. Сон одолел странствующего рыцаря мечты.

Интимная близость бывает всякая. Голодная, хищная, пожирающая любовную падаль. Хитрая и жадная, с лисьей мордочкой и повадками манерного павиана. Важная донкихотская похоть в галстук с сексуальным обожанием. И, кормящий любовным повидлом, липкий блюз из раздвинутых долек бюстгальтера.

Когда залетает в спальню женственная любовь, распахивая крыльями тело, ты узнаешь её по супружеской родинке. Которую, как штампик, шлёпнул при рождении господь.

Андрей проснулся от прикосновения солнечного луча.

Свежее утро взбодрило, как крепкий чай. По паркету из-за шторы выскользнула Кира.

Световой зайчик приветливо сунул в глаз любопытную мордочку.

Расцвело спокойное воскресное торжество. За окнами распускалось солнечное небо. На сковородке слепая яичница вращала в белке мутным оранжевым зрачком, принося себя в жертву богу желудка. В розовых фарфоровых чашечках выдыхал ароматный дым чёрный кофе.

Хозяйка в домашнем халате кормила гостя любовными бутербродами с зелёной икрой.

А вечером хрустальные глаза излучали глубокое мерцание тайной близости. И белое тело под тонким халатом протягивала к нему её душа. Чтобы мог он насытиться созерцанием. Занимаясь платоническим сексом.

Андрея уже не смущал домовый призрак и белые салфетки за сервированным ужином под китайскими блюдечками с чаем.

Она поправила чёрные волосы, открывая чайную церемонию, посвящая в культ высшего духовного блаженства, медитируя немигающими ресницами. Вызывая духа Дхьяна.

Квинтэссенция мудрости и Пратьяхара – воздержание чувств, как искусство познания истины наслаждения. Проникновение в чуткий чувственный мир тонкой материи мысли грубого телесного инстинкта.

Она, как Ариадна, вела Андрея по критскому лабиринту. А за спиной сопел и шлёпал босыми копытами Минотавр-производитель.

– Когда человек может направить свою мысль на известный предмет, отделив сущность предмета от внешней его части, – форма предмета исчезает. И в сознании остаётся только его смысл. Кто достигает этого умения – все силы подчинятся ему. Обыкновенное колдовство разума. И ты сам превращаешься в полубога.

Это, как душевное похмелье очарованного фанатика-водолаза, напившегося глубинных красот подводного мира океана. Он еще не Ихтиандр, но уже не человек.

Из прозы жизни фильтруется поэтическое адажио. И не на небе исполняется лебединый танец чувств. Всё это происходит на земле – родине журавлиной грусти с ангельскими крыльями и дьявольскими шпорами, жизнеутверждая эстафету уродства и красоты.

– Зачем?

– Чтобы назвать себя Маэстро Человек. Чтобы этим так же могли дышать, как творениями Леонардо. Этому учил отец.

– А что от этого твоему отцу и великому мастеру: Почет? Слава? Роскошь? Быть самой умной обезьяной в джунглях и читать мысли бога? Постамент памяти над гробницей? С эпитафией: «Он жил, как у Христа за пазухой. В сказочной нищете».

Или, может быть, здесь заложен хитрый принцип мутации? Пару сотен тысячелетий и вознесётся Он – бого-сапиенс, разумной стихией, равный космосу. Выделив себя из человеческой расы. Происходя, как из антропоида астронавт.

– Именно так оно и будет, – спокойно ответила Кира. – Как в цивилизации леборийских конегистр праатлантисов.

На мгновение задумалась Роза Андреевна, R/A9kmm...

Сквозь дремучие дебри космического времени прорастает идея разума. Бесконечна её цель. Она продвигается, совершенствуясь в организмах. От простого – к невысказанному.

Вот она на балу инфузорий-туфелек – Золушка-замарашка на презентации роскоши. Вот она уже в стае пещерных женщин, а далее – царица Египта. Вырастает, закрывая тенью Землю. В то время, как её подруги амебы с инфузориями, толпой выползают на сушу, из грязной капли.

Проповедуя: Что мир незыблем и стоит на трех головастиках. И вся вселенная – квакающее болото. Поклоняясь власти хозяина пьавок, – Дуримару.

Проносится «она» уже в другом времени и не заметит их. А в «ней» увидят – инопланетную божественность.

Потекли недели испытания искушением грешника. К высшей мере духовного наслаждения приговорила его Кира Изумрудовна. Угощая сладкой беседой и спелой грудью с ягодкой соска, выпадающей из домашнего халата. Куда лениво закатывал Андрей зоркое глазное яблоко, как бильярдный шар. Терпеливо принимая очищение.

Но как-то, в отсутствие хозяйки Киры, решил испытать покаяние бесов души. И прошёл по комнаткам общежития, словно пробравшись в райский палисадник.

И попал на именины незнакомой цыганки Нади. Вместе с ней гадал по руке её назойливым подругам, осыпая щедро желанной глупостью захмелевших красавиц. Сам он водки не пил. Не хотел, чтобы из него выполз бес, выдавливая нутро рогами.

Черноокая Надя склонилась над ним с пузатым бокалом, где запускали воздушные бульбы колючими брызгами игривые бесы шампанского. Одарила золотой улыбкой. Каштановый локон именинницы упал на щеку Андрея. И заскользил по ней, пушистой паутиной опутывая глаза.

Андрей запечатлел подарочный поцелуй вслепую. Влажные губы ромалэ выхватили его и запили шампанским, отпустив.

Отплясав цыганочку, она под села к нему, веером разложив шёлковый сарафан с фиолетово-пурпурными павлиньими глазами. Ажурные линии кармина волнами разошлись на коленях. Шаловливые пальчики шельмы пробежались по его виску. А зрачки колдовали на смазливом лице, завлекая поиграть в цыганскую рулетку. Она поднесла прозрачный шкалик. Хрупкая стопочка, потерявшая невинность, колыхалась в её острых коготках. А там, крокодилы слёзы зелёного дракона сияли родниковой чистотой.

– Пригуби снотворного от грусти.

Зеркальные капли сорвались вниз. Она небрежно смахнула их ладонью. Серебряный медальончик в виде сердечка выскочил из-за пазухи. Андрей поймал его. Натянув тонкую блесну ниточки на шее смуглянки. Зааркавив, как конокрад норовистую лошадку воровской уздечкой. И она поддалась. Медленно и незаметно наступал вечер.

Тяжелое красное солнце скатывалось за горизонт. Оставляя за собой пыльное небо... Золотые лучи торжества выпили день...

Обманчиво цыганское счастье. Свободное, как ветер в поле. Пока догоняешь – твоё.

И снова услышал Андрей далекий клекот мифической птицы в ультрамариновом оперении. Мираж благополучия растворился.

– Я уезжаю.

И душа забила, как канарейка в грудной клетке.

– Куда?

– Вперед.

– Когда ты едешь?

– Сейчас.

Она наклонила голову и каштановые волосы расплзлись с плеч. Заслезил от воспаленного света в люстре стеклянный брильянт. В застывшем свечении зеркальной капли хрустнуло хрупкое хрустальное время. И полетели его секунды.

Тонкая прядь коснулась его щеки. Надежда опустила бокал, вдыхая в него грусть.

– У тебя будет долгая дорога, которая не кончится никогда. Но ты увидишь край счастья за горизонтом и будешь спешить к нему всю жизнь.

– А что там за горизонтом?

– За горизонтом – горизонт.

Она улыбнулась.

– Женское чувство сильнее логики – в этом логика женщины. Это не гаданье цыганки. А сейчас останься.

Она загасила назойливую лампу, отключив электричество...

Ночь промелькнула, как лёгкий утренний сон.

– Я провожу тебя.

– Не надо.

– Тогда скажи что-нибудь на прощанье.

– Прощай, Надеждинка.

На вокзале Андрей приобрел счастливый билет путешественника и зашел проститься с Кирой в краеведческий музей. Оазис истории пустовал. Распахнутые залы были наполнены тишиной.

Экзгумация прошлого необходима. Заглянув сюда, можно узнать, что пещерная революция продолжается. И мамонты, вымершие в допотопное время, еще тайно проживают здесь. Маскируясь под видом чучел. Это оттаявшие ледники высокогорья выпустили их. И они рыщут в поисках вольных пастбищ. И дикий снежный человек открывает на них сезон охоты, загоняя красными флажками в волчью яму. Идёт великая человеческая охота на зверообразных и человекоподобных.

Кира выдернула его из большой залы, проведя темным коридором в маленькую комнатку с коричневым дерматиновым диваном.

– Это что, кабинет свиданий?

Она молча закрыла двери на ключ. Океан бездонных глаз наполнялся откровением чувств.

Незрячий художник Изумруд создал свою дочь, как первую женщину – заготовку женской модели. В пронизательных очах сияла его мудрость. Кира уже оторвалась от земли, но ещё не могла достигнуть неба. Которое, казалось, вот-вот, рядом, за горизонтом. И она парила девочкой, выпорхнувшей из замужества, не сумевшая превратить себя в мохнатую супружескую гусень.

Спутница-мечта странствующего рыцаря. Слепая богиня Оза.

– Я подарю тебе портрет Ра – спокойно произнесла она.

– А он пусть живет в моем подсознании, как ты.

Кира, как госпожа, отпускала Ра на волю из рабства. Она развернула картину, стоящую у портьеры. Очевидно, приготовленную для него. Призрак, как добрый Мефистофель, зыркнул с полотна зрачком.

– Тогда я его срежу с подрамника.

Лезвие вошло в мир бога, ломая его вездесущую действительность. Тело его обмякло, скукожилось, скручиваясь в рулон. Полоска света еще пробивалась к нему. Потом и она погасла, замуравывая призрака.

– Это не всё, – Кира протянула ему чистый запечатанный конверт.

– Это чтобы я писал письма?

– Скорее, продолжение романа в эпистолярном жанре. Это послание тебе с того света.

– Обратного адреса не вижу.

– До востребования.

Они обменялись приторными любезностями.

– Здесь, то что ты искал. Записи отца. Правда, немного. Но тебе хватит.

– Вот и всё.

Она поднесла своё лицо к нему, как свечу.

– Ты так и не набрался силы терпения. Жаль... Когда-нибудь поймёшь сам...

Глаза выдавили боль. Хрустнул в них ледяной хрусталик, и глубокая трещина побежала по нему. Незаметная для глаза паутинка. Но сердце разглядело её, как родинку на теле.

Резко, через голову она стянула шёлковую блузу, выпутываясь из нее косой. Белые бедра освободились от чёрной юбки, как от паранджи.

Очи заглянули в заматавшуюся душу раскосыми полумесяцами. И прошлись ятаганами лезвий.

– Чего стоишь? Раздевайся.

Глаза гипнотизировали страстью. Гибкие пальцы нырнули в волосы. Грация Киры превращалась в живую Синильгу. Она отпустила свободные губы навстречу. Захлестнув прикосновением поцелуя.

Философская близость обожгла горячим телом. Накрыла и поглотила, как небесная волна, увлекая в подводную глубину. ... Бросая вниз, поддерживая нежностью, выворачивая страстью раздавленный любовью организм. Где душа и тело совокупаются на свадебном торжестве, как черти с ангельской свитой. Отстегнув рога и крылья.

Скрипящие сухожилия напрягал диван, лопаясь дерматиновой кожей. Взвинченными пружинами осуждая свободную любовную безнравственность.

Две ветреные мухи-лесбиянки, попав в случайные подружки на липучке, свесив зелёные головешки любовались сладкой гадостью зрелища. Чухая друг другу плотоядное брюшко, заводя в жужжащий экстаз.

Вольные горошины пота, скользящие по телам человек, радовались свободному целомудренному раздолью, когда беспризорная страсть разливается в крепком теле молодостью. А душа возлюбленных, обернувшись чуткой, ласковой нежностью, по-матерински купала свежей любовью, как первенцев, свои природные создания.

А у природы все её чада: и насекомое и человекообразное.

Андрей оторвался от волшебного тела Киры. И полетело перо Синей птицы, запечатанное в стрелу.

А, может быть, проказник Амур, соглядатай любовников, пульнул её из шалости? Да, только мимо пролетела она... Промахнулся по времени он.

Время мера всему... Рождаться и умирать. Встречаться и расставаться. Влюбляться ... и забывать.

*Я любимой цветы не дарил.
Месяц в золоте с неба не крал.
Я глазами с тобой говорил.
Я свечою в ладнях сгорал.
Прикоснуться к тебе я не мог,
Чтобы милую не обжечь.
От любви я ослеп и оглох.
Своё счастье не мог я сберечь.
Дом без окон – остынет тепло.
Взгляд с упреком – как горек обман...
Я забрал своё ремесло.
Каждый вечер печален и пьян...
Пью закаты вчерашней зари,
Опрокинув каёмку небес.
Что тебе подарить, говори?
Ведь сегодня и бог я и бес!
Подарить бы любимой цветы...
Да в глазах не огонь – пустота...
Жаль же, жаль, что не видела ты...
Жаль же, жаль, что молчал я тогда...*

Стремительно спешит поезд, пытаясь обогнать время. Стучат колёса, заколачивая в каждую шпалу отпущенную им скупую секунду чугунной жизни.

Счастливые мгновения прожить бы воедино. Пусть вся жизнь – четверть часа. Но этот час – час бога. Разбросаны по времени золотые крупницы счастья. Их нужно отыскать.

Улан-Удэ оставался за спиной. А вместе с ним: Кира, Надежда, любовь...

В конверте действительно оказалось тетрадь в косую линию с обрывки записей старого мастера. И Андрей начал всё сначала, собирая по крупницам легенду...

...Ютистилента – верховная океанида волны, покровительствует мореходам, торговым людям – ютгисам. Это они, состоятельные граждане Ибоса, щедро славят свою избранницу, не жалея жемчуга в храме Ютистиленты. Поднося ей резные сосуды и украшения из коралла, камня, дерева, кости и кожи...

...Дворец Ютистиленты изобилует причудливыми украшениями, их собирают океаниды, известны и ритеи островов. В канкентерии (зала сокровищ) хранятся сокровища океана. Стергут канкентерию Ютистиленты подданные божества Ри – большие свирепые мурены.

...Созерцать прелести подводных глубин доступно каждому. Право владеть сокровищами имеет лишь океан...

...Океан скорбит о покинувших этот мир. Об умерших старцах, уходящих в его бескрайнюю вечность, о погибших воинах, покоящихся в водных глубинах, о разбитых кораблях, поглощённых жадной стихией... Место скорби – грот Слёз. И каждая капля океана отдаёт ему каплю слезы-памяти... И каждая жемчужина опускает глаза. И многоликий океан, запечатлённый в тверди каменных изваяний – скорбит...

Отложил Андрей тетрадь, к окну повернулся.

А за окном вагона поезда бесконечно зелёный океан тайги, мыслью не обогнать. Синь озёр и рек, уходящих в небо, глазами не высмотреть. Не рассказать, сколько городов на бескрайних просторах её земель... Необъятно бесконечны просторы Родины, огромного и могучего государства Земного шара. Родина – непотопляемый континент Евразии. А территории поболее, чем у бога в закромах небесных. И с высоты полёта ангела, пол планеты – Россия...

Вдохнула Воза Андреевна, R/A9kmm... Пройдёт не так много времени и не станет на мировой карте огромной российской державы, так же, как не стало цивилизаций ацтеков, инков, ольмеков, тотельмеков, теотиуакан, тиуанако, майя... и многих других... Территории огромного государства станут иноземными вотчинами... А с бескрайней сибирской земли будут днём и ночью качать нефть и газ, выгребать алмазы и прочие полезные ископаемые, и минералы... Сказочный книжный персонаж царь Кощей, который «над золотом чахнет», – голь перекатная перед сокровищницей Сибири. А вся тайга попадёт под крупномасштабную вырубку... пойдёт под топор предприимчивых косоглазых соседей.

Поселился Андрей в городе Хабаровске. В местной гостинице у железнодорожного вокзала. Пожить, посмотреть, что и как. А на обратном пути можно и в лукоморье сибирское закатить, пошастать по неведомым дорожкам, невиданных всяких всячин глазом пощупать. Почти целая жизнь ушла на покорение Сибирского царства Ерофеем Павловичем Хабаровым. С бронзового пьедестала в вечном дозоре осматривает он воеводство государства российского. Выразил Андрей почтение воеводе, побеседовав с постаментом. До Сахалина уже рукой подать, куда японские империалисты косым оком зыркают. Но новости с большой земли тормозили колесо истории. События перестройки разболтали шатающийся механизм коленчатого вала, навредив его зубчатым шестерёнкам. Повредив фундамент государства, чтобы воздвигнуть архитектурный ансамбль хаоса. Советскую Хиросиму. Коммунистический судный день. Нажилась страна для рывка... и обгадилась...

Киру Андрей не вспоминал... Только несколько мгновений сладкого сна в чистое летнее утро. Когда проснувшись и очутившись в реальной жизни – хочешь возвратиться назад, как в детство. Но назад дороги не было. Дорогу в рай из жёлтого кирпича лепят и обжигают, горбатясь, грешники ада.

Но слова дочери Изумруда, оставленные в памяти его, проявлялись видениями образов. Размытые, в цветах грозовой радуги. И ясные, вспышкой неосмысленной галлюцинации. Иногда долей секунды. Иногда минутой высвечивалась гармония фантастических фрагментов. Будто спал он с открытыми глазами. Или некто из космического измерения пытался достучаться к нему, нагромождая мысли.

Если существует высший разум, который соотносят с божеством – Создателем, то как он смог бы общаться с низшим организмом? Как человек с микробной палочкой. Боги – друзья мудрецов – трактовал Диоген. Можно по-приятельски поделиться тайной? Нет. До всего должен сам докопаться мозг. Превращение закономерного хаоса – в шедевр. Наблюдая жизнь глазом внутреннего маэстро-творца, напрягая природный разум.

Как в вертолет воплотил конструкторскую мысль стрекозы авиаконструктор Сикорский. Используя свою и её «гениальность», завершив соискательский поиск.

Собирая из потускневших обрывков дневник слепого Изумруда, он восстанавливал образ больного старика, прикованного железной волей к мысли. Разгребая память прошлого, как археолог.

Он понял, что создавал мыслитель философский труд, фундаментально опираясь на личный опыт. Открывая в человеке сверхъестественную возможность иного восприятия мира. Овладевая внутренними скрытыми силами организма. Человек сможет всё, понял Андрей.

Обрывки записей Изумруда оказались сокровищницей. Многое осталось предполагать. Любой придуманный сюжет может быть правдой жизни. Или уже был, или еще будет. В общем, без мелких подробностей. Откупорив философскую закономерность, мастер создавал модель бессмертного разумного «начала» – вечного космического двигателя жизни.

Творческим столиком ему служила обшарпанная крышка унитаза. Он запирался в сортир и дымил папиросами. Создавая по крохам из мысли – труд. Талант невольно съедал его жизнь. По комнатам призраком шастал Пипыч в поисках спиртного духа. Шарил наглым глазом в замочной скважине дядя Алёкса. Иногда появлялась старшая дочь Кира с визитом подаяния.

«Не спасла я папочку от страшной болезни. А могла бы. Побольше бы внимания»...

А все соображения мыслителя Изумруда про мифическую Атлантиду, что это, мифологическая модель нового общества? Скрытое послание потомкам? Закомуфлированная истина?

Умерло тело Изумруда. Но душа его зависала в этом мире. И кистью Андрей пытался нарисовать её. Бледная ноябрьская осень ступила на озябшую землю. Превращаясь за ночь в белое привидение зимы. Бился с кленовыми крестоносцами ветер. А утром отрубленные головы листьев принимали снежные холмы могил.

За мутными стеклами троллейбусов безмолвствовали пассажиры, закрывая лица безразличием. В серую пустоту погрузилось небо. В парке одиноко жались друг к другу скамейки. С прохуdivшихся деревянных рёбер слизывала тепло колючая изморось, превращая всё в скользкую слякоть. Под подошвой хлюпал жидкий тротуар. Андрей бродил по пустым аллеям, как по кладбищу весны. Стекланные капли срывались со съживившихся деревьев хнычущей музыкой снегового дождя.

Из подсознания выплывал печальный сюжет юности, как мираж. Девочка в инвалидной коляске, рисующая позднюю осень. Раскрыт этюдник, замешаны краски на палитре. Капли дождинок не вредят прессшпан картону, скорее наоборот, слезинками застывают на нём,

дополняя печально-живописный сюжет осени. А девочка улыбается, радуясь внутреннему комфорту, забыв на чуть-чуть, что она калека... И река памяти понесла вспять, наполняясь полноводностью воспоминаний... И венок из букета хризантем, которыми поросло прошлое, всколыхнулся на лёгкой волне.

Пейзаж осеннего страдания вызвал полноцветную галлюцинацию. И он шагнул в неё. Он шёл навстречу, а серая скамейка отделялась, как ускользящая тень, к которой почти готов прикоснуться.

В этот вечер Андрей опять взялся за акварель. Прорисовывая образный контур ясновидающего философа. За мраморной настольной лампой в сгустки собирались тени. Чутким зрением он почувствовал в пелене застывшего воздуха вызревающий мираж. Демоны-херувимы собирали для него из безвоздушной плоти наболевшее мыслью видение.

Болезненный комплекс синдрома Стендаля снова раскрылся. Раздвигая комнату. Галлюцинация возникла ясно и отчетливо, как видение отроку Варфоломею.

Телесная субстанция явилась перед ним женщиной в инвалидной коляске. Въезжая в его мир. Безымянная красота лица с голубыми глазами. С тонкими пальцами художницы в прозрачных ноготках.

Андрей поднес к ней лампу, освещая чело, чтобы запомнить. Каждая чёрточка её жила и дышала.

– Разве ты не узнал меня? – спросила она Кириным голосом. – Я душа Изумруда, – выдохнула она и откатилась. – ... Богиня Оза...

– Оза слепая, а ты без ног.

– А зачем они танцующему богу?

Она встала, всколыхнув извержением целую планету чувств. Так Помпеи превращались в руины, когда соперевживали с людьми боги. И поплыла к нему. Прикоснувшись горячей ладонью к глазам.

На месте ног зияла пустота.

– Это чтобы ты лучше видел мою боль. Ты искал девочку, рисующую грусть. Во всех женских глазах ты ищешь – слепую любовь. Проходя совсем близко, цепляясь сердцем.

Он разглядывал ее. Рука побежала по гибкой шее.

– Но ведь ты душа Изумруда?

– Все души ближе, чем близкие родственники. Только нужно уметь разглядеть свою половинку в толпе. Я просто душа в маске образа, которым прикрыла свою невидимую наготу. Хочешь поцеловать меня?

Легкий страх пробежал по спине, как у Хомы Брута, который отпел ожившую ведьму.

Но Андрей поцеловал фантом женщины, ощутив холодные губы. Она опустилась в коляску, как на трон меняя образ. словно воскресшая мумия египетской царицы наблюдала из загробного мира за жизнью потомка раба.

Субстанция была устойчива и прекрасна, как застывшее мгновение. Она улыбнулась.

– Ты считаешь меня безликим воображением под оболочкой знакомой тебе формы образа.

И она изменилась в серьезно-грустную Маргариту Аркадьевну, подкручивая пальчиком, непослушный локон.

– Ты не видишь мой тонкий мир, странствуешь на ощупь с сачком за синей бабочкой. А я созерцаю тебя отовсюду.

Знакомый образ смыло лицо другой женщины.

– Человек – обезьяна в костяной клетке скелета. Выучи духовный язык и мы поболтаем по душам. А сейчас мы общаемся с тобой лишь на понятном для тебя языке примитивного воображения примата. Печально...

Она стала растворяться. Высасывая из его сердца себя. Голос, слабея, еще продолжал говорить, сопротивляясь внутренним силам её мира:

– Печально...

Он уже не видел её, но ещё слышал голос.

– Реши для себя куда идти по дороге. Посвятить себя духовным страданиям юродивого, окунаясь в райскую нищету... или сытую жизнь хочешь ты, но после смерти последуешь в духовку пекла...

Сизифов камень, лежащий на распутье, терпеливо поджидает своего толкача.

– Всё хочу сейчас, а не после смерти... – процедил он в пустоту.

Покатилась каменная глыба, свалившаяся с души.

Утром болела голова, на столе стоял опорожнённый стакан, но пустую бутылку Андрей так и не нашёл в номере. Что же это было?

Оставил Андрей Хабаровск и поехал дальше. Доехал Андрей до станции Хор. Здесь

Заканчивалась территория советского государства. Помахал из окна вагона китайскому хунвейбину и повернул обратно просаживать жизнь. А что жизнь ни даёт – самое лучшее. Потому что другой нет.

Час измены

«...и дали Мальчишу-Плохишу целую бочку варенья да целую корзину печенья. Сидит Мальчиш-Плохиш, жрёт и радуется... Вдруг как грохнуло, будто бы тысячи громов в одном месте ударили и тысячи молний из одной тучи сверкнули.

– Измена! – крикнул Мальчиш-Кибальчиш.

– Измена! – крикнули все его верные мальчиши»

А. Гайдар

Закружили, опадая календарные годы. Снова крестила лоб юродивая Русь, отбросив серп и молот. Ожидая небесного изобилия и вызывая солнечную мечту пионерского детства – райский коммунизм на шаре... Несколько лет косил топор перестройки. Пытаясь вырубить из Буратино заграничного Пиноккио.

Из Хабаровска Андрей возвращался медленно назад. Проехался через Восточный Казахстан, посетив Усть-Каменогорск и Семипалатинск. Постоял у постаментов поэта Абая Кунанбаева. Прочитал слова на пьедестале: «Можем ли мы человека умершим назвать, если оставил в наследство он мудрость бессмертных слов».

Что время для великих, они живут всегда.

Прошёлся Андрей по берегу Иртыша, вспомнил казачьего атамана Ермака, который к царским сапожкам Сибирь, как шубу боярскую положил, и жизнь свою тоже. А вот в сказочное «Лукоморье» так и не довелось попасть Андрею. Неисповедимы пути судьбы.

И снова дорога. Пассажирский поезд раскачивал вагончик, убаюкивая. Но Андрей в дороге, как дома. В Новосибирске вышел, размял ухо телефонной трубкой, позвонил Сулеймановым. Оказалось, гостит его друг в Санкт-Петербурге у родственников супруги Елены.

И Андрей подался туда, в город Петра.

Добираясь к Новосибирску, в дороге, легко познакомился с Лейлой из Чувашии. У взрослой девушки появилась в Москве квартира, после развода с мужем, Бобой Марковичем. Обоим было по пути к столице.

На Ленинградском вокзале, махнул Андрей ладошкой из окошка спутнице, и покатил транзитом дальше. Но в Санкт-Петербурге Измаила уже не было. Пришлось возвращаться той же дорогой, минуя Великий Новгород. Не удержался, встал с поезда Андрей, по городу проехал, посетив Ярославово Дворище и Торг. На всё про всё полдня и ушло.

А Роза Андреевна следила за происходящим.

Андрей не мог знать, что первая столица руссов на европейской территории – город Словенск, на реке Волхов. Здесь стояло селение в дремучих лесах росов у могучей реки, около пяти тысяч лет назад. Многим позже, на месте древнего Словенска и возникнет новое городище, и назовут его Новым городом, который и станет, впоследствии Великим Новгородом. Город сохранил уникальные памятники древнерусской архитектуры. Он был единственным из русских городов, избежавший упадка и дробления, оставаясь долгое время вольной республикой на территории феодальной Руси.

Всего этого Андрей не знал, он возвращался в Москву.

А за окном вагона снова бескрайние леса, где проживали и множили род свой бесчисленные племена пращуров. Отсюда они расходились и оседали на огромных просторах Руси, образуя княжества-государства.

А колёса вагона, в котором ехал Андрей, стучали всё сильнее. Колотилось чугунное сердце железного состава, потому что приближалась столица.

Москва – храм для восторженного провинциала. На протяжении сотен лет столичный город – это центр величайшей русской национальной культуры. А памятников истории и архитектуры всемирного значения, не пересмотреть и не обойти. Посему, крутятся в центре. Коренные москвичи не ведают о всех окружающих прелестях, для этого есть турист-иностранец, который им сможет порассказать о Москве так, что сами будут диву даваться.

Остановился Андрей у Лейлы.

Новая пассия Андрея, чувашская москвичка Лейла, преподавала нежную скрипичную музыку на дому. Ещё у неё были лукавые, вечно бегающие глаза, и тонкая, как флейта, талия. Больше достоинств у Лейлы не было. В скрипичном футляре она тягала обыденный антикварно-уценённый хлам. И тяготела к фальшивой бижутерии. А в свободное время, которого было предостаточно, занималась частной практикой гадания и проводила сеансы спиритизма на дому. С цыганской внешностью у нее получалось.

Она могла появиться и исчезнуть в любое время, не мешая ему исследовать город.

Посетил Андрей Красную площадь. Возле мавзолея покрутился. Затейливый собор Покрова Пресвятой Богородицы оценил, вспомнил легенду о его создателях-зодчих. На ангельское оперение небес голову поднял. Где святые души грязь земли смывают дождями. На том и держится мир. Пророчество Филофея снизошло, как откровение – «Два Рима погибли, третий стоит, а четвертому не бывать».

Величие государства Московского даже богу не оспорить, с неба, куда ни глянь, Россия. А на двуглавого орла только дурной «петух» и может кукарекнуть.

С гражданином Мининым и князем Пожарским поздоровался. И, хотя, купец Козьма Минин монументальной дланью в ЦУМ паломников направлял, не пошёл туда Андрей. А подался на Тверскую к памятнику Пушкину. На профиль поэта отпечатком времени легла зелень патины. А, может быть, от скорби потемнело лицо?

– Что, Александр Сергеевич, чего там сверху на перекрёстке времён, подача «новых» моральных ценностей?

Бронзовый поэт стихотворение своё вспомнил и зачитал:

*«Паситесь, мирные народы! Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь.
Наследство их, из рода в роды, ярмо с гремушками да бич.»*

Но никто не услышал его, кроме Андрея, только голубь слетел с плеча. И подался в небесную синь, туда, где живёт вечная душа поэта.

Не согласился Андрей.

– Новая жизнь начинается, Александр Сергеевич!

Но Андрей ошибался...

Плешку Арбата заселили свободные художники и вольные рукодельники, бойко выторговывая и честно вымалёвывая славу мастера.

Прошёлся Андрей дальше, остановился у памятника князю Московскому, где на чёрном мраморе бронзою золочёною отчеканено: «Основателю Москвы Юрию Долгорукому».

Рюрикович, князь Ростово-Суздальский и великий князь киевский, Юрий Долгорукий, Московию заметил невзначай...

Ехал как-то этот князь со дружинными воями, пред великий день Христова воскресенья, через провинциальное глухоморье. Узрел, за займищем деревеньку ладную. Зело приглянулась ему усадьба.

– Кто за посадом смотрит? – вопрошает.

– Есть таков воевода, глумотворец туташний.

- Имати его и на ковёр.
- Боярина за бороду патлатую, да пред светлы очи великого князя.
- Ты порядок блюдёшь тута, бражник? – князь на боярина зыркает.
- Азь есть – я, боярин.
- И каково название тутошнее?
- Москва, боярин.
- Ово, – покумекал князь – теперь, мой удел это.
- Так и основал князь Юрий Владимирович будущую столицу государства.

Москва происходит от старо-марийских слов «моска» – «медведь» и «ава» – «мать». Медведица – большая охотница рода. Так называли это первое городище древнейшие обитатели этих мест.

Поздняя версия «моства», местность, имеющая множество мостов. Мост – общеславянского происхождения, буквально – «переброшенное через что-то». Только в пределах города Москва-река делает 11 больших петель, и без мостов не обойтись.

Многое чего увидел и узнал Андрей даже за несколько дней, проведённых в столице. А ещё посетил провинциал кооперативный туалет. Словно в музее побывал.

Спешит московское лето в сарафане. Сочная грудь подпрыгивает, молоко прокисает. Жара.

А в кооперативном туалете прохладно и чисто. Салон раскрыт, как рояль – отполированный кафельный блеск и перламутровое сияние унитазов. Музицируй, маэстро. Шаркнул ножкой и заскользил по стерильному кафелю. Извлек, то что необходимо, исполнил журчащее адажио. Полюбовался чарующей флейтой. Фаянсовый унитаз золотую струю проглотил. И не отрыгнул даже. Пальцы на кнопки пуговиц нажимают с удовольствием. Завораживающее вдохновение. Мраморные бюсты писсуаров заголились и бьют хрустальными родниками. Зеркальный мираж струится ангельской симфонией.

Жабрами души вздохнули ягодицы. Высовываясь взволнованно из приспущенных штанов, озирая сияющую галерею. Дыша духами и туманами. Пьяные от запаха счастья. Какая голова не мечтает быть задницей в кооперативном туалете? Вышел Андрей из подземелья – поклон впечатлениям. Спросил, когда еще приходиться можно. Любезному швейцару на чай оставил. И ушёл, как господин.

Казалось, какие замечательные перемены готовит будущее.

Но всё окажется с точностью до наоборот. Страна сама превратится в сортир и польются туда помои и отбросы, и с голой задницей останется снова одуроченный обыватель.

Полыхали в христианских кострах идола язычников. И отпевали алые звёзды Кремля христианство. А пятиконечный крест под куполом неба возводили советские зодчие, под созвездием Серпа и Молота. А потом сбрасывали и серпасто-молоткастых идиолов.

Каждого принимала земля своими ладонями. Всё видела. В памяти её, как в святом писании – дремучей мудростью пролегла судьба человеческая – не разгадать, а как на ладони. Чёрным по белому. Не переписать начисто, не вычеркнуть вешего слова. Каждая литера тяжела прожитым бременем.

Грешна она или праведна – всему судья истина. Будет распятие и воскресение. Грехи и покаяние. Будни-свята. Праздники-праздность. Святотатство-святость. Каждый, живя сейчас, уже не помнит, что жил вчера. Это помнит его память – загробная жизнь человечества. Что уготовано ему там – то, что было. Эдем и проклятия – кошмар и гений. Много тому примеров, как совершалось человеческое предательство: Каин и Авель, Иуда и Христос, Брут и Цезарь. И делают это плечом к плечу стоящие за спиной. Так было... и будет, потому что

не мы придумали мир. Всё видела земля. Ничем её не удивишь. Погружается она в летаргическую вечность.

Близился 1991-й год.

А Роза Андреевна, R/A9kmm, заглянула на 1000лет назад.

991-й год от рождества Христова

Выкукарели петухи солнце. Старательно, голосисто, как архиереи. Появилось оно – кроваво-чистое и свежее под лазурными образами, как петушок на палочке. И сладко засияло.

Облизало влажными лучами деревянные резные узоры крыш. Умыла лаской, склонившись над былинкой. Сочно брызнуло в глаза спелостью и растеклось малиною по слюдяному оконцу. Забродило ажурной пеною солнечных пушинок, пригревая.

Розовый день заворочался, как первенец в колыбели, готовый чирикнуть первое слово, ещё сонный и неразбуженный.

Проклюнулось к свету око божьей пташки. Глотнуло небесную росинку. Напилось. Щебетанием прополоскало горлышко. Родничком забила пернатая душа. И вырвалась на больших крыльях.

Спала, как дитя Ягода, жена зодчего. Молодая, сахарная, с губами-вишнями. Сама неведомым пёрышком соскользнула на перину. А оттуда – в поднебесье. Где на легкокрылых челнах утопают в воздушных озёрах сны, выплывая на зорьке... А внизу Волхов, ак зеркало сияет. Блёска серебристым животом рыбки играет. Жмурится Ягода. Запуталась в расплетённой косе горячая ладонь, как невольница. Утро парное, с белой пеной облака, неволит лишь лаской. Разливается безбрежностью. Небо в окошко проливает. Настаивается день. А сон ещё нежностью балует. Солнечный лучик – прыг на щёку рыжей мышью, пушистым лучом щекочет веснушки. Смотрит зодчий Лодь на свою жену, улыбается.

С неё деревянную статуэтку княжны Лыбедь резал, и жёнки лик вправил туда, как яшму. Фигурки: Кия, его братьев и его жены, Ягоды, теперь у Владимира Киевского в хоромях. В светлице у лучезарного. Вдохновляют Великого князя. Побежала юркая тень по резному подоконнику, проваливаясь в разошедшиеся прожилки. Заскользила по срубам выше, где золоченые петушки и рыбки на солнце в бликах нежатся.

Сотворял Лодь резные узоры, словно пальцами лепил. Человеческих богов вырезал.

И сейчас в чуткой ладони мастера, как воск изгибалось мягкое тело дерева. Набухало жизнью, как янтарным соком смолы. Открывалось глубокие веки, будто под рукой целителя. Светлый лик расправлял крылом брыли, наполняя чело мыслью. Скользила ладонь по пасхальному лбу, шевельнулась под ней морщинка-жилка, зазвенела тонкой паутинкой луча.

Прорастала сухая сердцевина мадонной. Потянулась лебяжьей шеей, распустилась бутонном пальцев, лепесток мизинца оделся в полированный ноготок. Вздохнуло чело младенца душой мастера. Как от подземных вод пуповиной тянется бьющийся родничок. Как вечеровой колокол вдыхает душу исполина в бубенчик-первенец, поделившись жизнью.

Выставил фигуру Лодь. Налетела стайка солнечных зайчиков. Бросил им лучей Ярило на подоконник, успокоились.

Снял он фартук. Завернул в холщёвину детище. И к воеводе подался. Суров был боярин. Не любил ждать. Велел с петухами пред ясны очи расшаркаться. День набирался сиянием. Полноводило голубизной небо. В воздушной глубине парила сойка. Босое бабье лето ступней катало росу. Дышала облаками земля. Из-под камня выбирался подорожник, расправляя жилистый передник, подсобив придавленной травинке выправить тшедушный стебель.

Заспанный злыдень подставлял под хмельную рожу пригоршню, умываясь грязью. За изгородью задирала подол баба, справляя нужду под лопухом.

В боярских хоромях просыпались, шлёпая подошвой. Не спал воевода новгородский. Не ложился в опочивальне, лишь пояс расстегнул. Лёгкая дрема под утро нырнула в слезящийся глаз и веком укрылась. Как порубал Добрыня деревянного идола на Перинь-горе, красные петухи теперь кукарекали зарю. Рябиновые капли с неба склёвывали. Крыши от огнища

коробились. Востро глаз держал он. Да кровоточило сердце, железными шпорами терзало грудь, как кочет.

Посадские разбойничью башку поднимают. Человек на тайную подлость способен. Не верил Добрыня ни в Перуна, ни в Христа. Верил в князя Владимира. Да, далеко Киевский.

Скрипит половица. Мысль подтачивает душу. Лихое время... В палате душно. Зачерпнул кринкой воды, вылил на пол. Пыль прибил. За окном посадская площадь. Распахнула людное место пчельницей. Гулом наполняется. По терему смерды шастают. В палатах жены тихо. Воробей солнцу чирикает – жив, жив! Улыбнулся он малой птахе. Вольницу горлом празднует. Тяготят раздумья. Не люб Добрыня Новому городу. Знает о том. Хрустнул перстами. Прошёлся. Опрокинул тёплый глоток ковшом.

Вошел тиун: – Мастеровой прибыл.

Дверь за собою по-хозяйски плотно прикрыл, оставив отрока.

Слышал боярин про ремесленника. Знатен был Лодь рукодельной резьбой. Хоча лицом юн. Резал, посадским и боярским зодчим подсоблял. Подошёл к мастеровому воевода. Заглянул на отрока. Перстень с малахитом на сухой деснице каменной прожилкой играет. Ухватил он цепко лучик – из него сияние брызнуло. Рукав расписной, красной змейкой вьётся, с глазами-бусинками. И рыкающий зверь на медной бляхе. Великим князем жалован за крещение Новгорода.

Подивился Лодь осторожно. Свою работу распеленал из тряпицы. Глаза поднял.

Резной работы фигурки матери и дитяти. Чадо она свое пестует. В ладони мастера будто дышит грудь её и младенец чмокает. Божья мать – ак человечья. Дитя своё, Иисуса пестует.

Взял воевода, отошёл. Присел на скамью. Усадил крепкое тело и на фигурку пялится. Водит глазом ласково. На скамье поручень резной. Дракон заглатывает жалом заплетенный в косу солнечный луч. Затейливо выполнено.

Коснулся мастер головы змия. Щупает незрячими пальцами, будто видит ими. Зыркнул воевода оком на зодчего. На белом челе жилка пульсирует теменным родничком. Очи блаженные. Перстом придавить может жизнь вельможа. Сломать, как деревянную скорлупу.

А на божьей матери плащаница уложена складочками, словно в китайский шёлк одета. Личико младенца нежно-крохотно резьбой исписано – подлинно жизнь в нём. Зодчий будто из дерева вынул человека. В Византии таких нет.

– Чудно режешь, хлоп. Лепо. Не обидел Перун тебя рукоделием.

Забылся отрок. В глазах синица щебечет.

– Так нету бога нашего, Перуна, воевода. Порубал ты его.

Боярин поделкою тешится, а ухо вострую дерзость выхватило, как пичужку. Фьють, из клетки не выпорхнуть.

– Сказывай, зодчий, что в Новом городе промеж себя бают?

– Мой сказ обменяешь на голову, боярин, так ведь?

– Твоя башка не лисья шапка, руки дороже. За них гривнами платят. Это язык дурь баламутит.

Не тать аз Новгороду – дремучесть его. Волхвы сулят старую веру. Ромей – новую. Не в деревянном идоле вера, отроче, но в сердце. Аз есмь пёс княжий и человек ратный. А в Новгороде воевода и власть. Бог отныне – Христос у нас. Сам ведаешь. Он господь всея Руси. Из-за моря прибыл с Великим князем. Посему – токмо тому и быть. Промолвлю вот что. Справедливо сие или нет – воля Великого Киевского. Ни тебе дерзость мне молвить, ни мне словом прелестным тебя угощать. А как изделать, чтобы этот бог до сердца дошёл, ежели порублен Перун в сердце твоём – сам намысли.

Встал воевода, заскрипела половица... Буд-то по телу прошкробла.

– А язык проглоти, паря, не то быть тебе в железе. А укажет на тебя холуй или ябедник по доносу – не помилую. Хоча среди мастеровых сам ты княжич.

– Живи многие лета, боярин. Спаси ты твой бог.

Вышел Лодь от воеводы, будто вдругорядь народился. Кому помолиться: Перуну или Богоматери? За милость боярскую. Лют был воевода, а слово держал.

Только всадил мастеру нож помеж лопаток соплеменник. Кровный новгородец, не тать, не печенег. За вероотступническое рукоделие. Оплакала его Ягода. Губами-вишнями холодные уста запечатала. Очи мужа перстами закрыла. Похоронила по-христиански мастера. Время ковыльный сугроб намело. Поросло памятью. В её утробе ворочается душа зодчего. Режет христианского идола Лодь.

Не отворяет воевода крамницу, где из срубленной головы Перуна резная Дева Мария с младенцем Христом народилась под святой рукой вольного мастера. Томится пленницей.

Дрожит над льдом Волхова кровавый сгусток солнца. Сам себя не греет. Закат студеные зарницы наливает в небесный купол. Угасает белёсый день вечером. Чадит лампадой жидкий месяц. Хрустит крещенский мороз. Озябший воробей не долетел под тепло крыши. Упал комок перьев, закоченел. Подняла его Ягода, в рукавицу сунула. Пусто, уже нет жизни. Мороз и в её черную косу пробрался. Седину лентами вплел.

Сочно заискрили звезды. Неволит тайну небесный купол. Невидим глаз божий, а сила чёрного неба душу высасывает, влечёт, как дьявол в прорву – не оторвать очей. Крестят купола храма небо.

Стольничий в енотовой шапке по улице едет. Ноздри всадника и коня дымят густым паром. Копыта в снег, как в полыньи проваливаются, увязают в сугроб. Паршивый пёс для порядка увязался лаем. Понёс злобу по улице и сник. В оконцах тепло ёжится.

Въехал на подворье служивый, прыгнул, бряцая железом. Захрустела под сапогом снежная пороша. На порожек впрыгнул по-молодецки. К воеводе с депешей из столичного града. Носки от снега оббил.

Старость боярскую бороду приморозила. Бляху с восковицей зеленью покрыла. Не смотрится боярин грозно. Кожаные ремешки дряблостью схвачены. Морщины, как по вязу прошли. Изрубили лицо шрамами. В руке немочь, но пергамент держит твердо. В стариковском зрачке свеча мерцает. С божницы Иисус склонился – Читай, отче. Читает воевода губами, как молитву. По изразцам печи тени бесами пляшут.

– Скончался Великий князь Киевский.

Сложил сухую ладонь перстами. Помолился образам Добрыня.

– Земля ему пухом.

По половице мышь к теплу юркнула. Последней вознёю угомонилась челядь. Достал старец статуэтку. Огонь пробежал по морщинистым жилам дерева, прячась в резных складках. Осветилось чело. Рассохлось, но не утеряло свежести земляное лицо богоматери. Почернел лишь амулет. В глубоких глазах мадонны та же скорбь. Обнимает чадо деревянными ручонками мать. Будто нету времени для младенца Христа. Смутно вспомнил Добрыня серебряные глаза Перуна на Перинь-горе. И чело мастера-зодчего с синей жилкою на лбу. И лик Великого князя Владимира. Замерцал стариковский глаз.

Режут язычники идолов. Оставляя в дереве кусочек жизни. Богомазы пишут Иисуса...

– Княже, княже, раб божий. В сердце угасает жизнь, а в деревяшке живет.

За окном поутру вновь раззолотится куполами храм. И ангелы будут перья чистить на солнце. Осеняют себя крестом новгородцы. Раб вымаливает у скудной жизни кроху. Господин бавится роскошью, как дитя игрушкой. Воевода хлебное место псом стережет. Мастер славу кистью пишет. Все берут бога за горло – Дай!

Только смерть христианская и уравнивает щедро: равенством и братством, чёрной землею насытит. Тогда побратаются усопшие вечной любовью к ближнему.

Густая ночь выдавила каплю-звезду на чёрном лике неба. Мороз-златокузнец сковал её в обруч ледяным сиянием – в мерцающую свечу – за упокой. Чадила тёплым угаром печь. Дышал на ладан Христос. Новгородский воевода скончался поутру.

А день снова рождал и отпускал на волю, как пташек, души божьи. Выплескивала множество жизней земля. Они сутились молодостью, глупостью, прыгали, щебетали, прорастали, зрели. Напивались сил, лакая из пригоршней, из луж, из блюда, черпая из ковша и чмокая из материнской груди.

Колосилось время. Срубили пятиконечный крест палашом перестройки. И заново крестили Новую Русь в Старую веру. Но геральдический знак советской пентаграммы, отпечатавшийся в душе, кому-то был свят и дорог. И тот тоже произносил: «Спаси и сохрани».

Выпорхнула душа воеводы Новгородского через тысячу лет из вечности. Вызвали её демоны терзать. Вечно маяться ей между чьим-то грехом и своим покаянием. В час, когда совершается измена.

Предательство Руси не раз будет совершено её верховной властью. Но это было одно из самых подлых и изощрённых – измена своей вере и веры пращуров.

1991 год от рождества Христова

И снова масштабное предательство, совершённое изменниками, стоящими у власти, спустя 1000 лет... Для истории это не срок – мгновение...

Тогда, всё усиленно поливалось помоями, удобряя почву для новой идеологии управляемого идиотизма. Всё шло на свалку истории во имя светлого будущего паразитов. А на подмостках вертепа разыгрывались сцены абсурда. Эпоха недолгого правления первого и последнего президента Советской державы была стремительной и мрачной. Горбатый меченый разрушитель, наломал прилично дров, так ничего не построив и не перестроив... и подалось это ничтожество на запад, торговать мордой и пиццей...

R/Vm, т.е., рабочая биомасса, а тогда ещё свободные граждане свободной страны, были готовы не щадить себя, во имя светлого будущего. Готовы сражаться и умирать за свою Родину, готовы верить в чистые идеалы. Готовы ждать эру светлых годов.

Но их предали. Изменниками оказались те, которые вели к этому «светлому будущему». К концу 80-х прошлого столетия, моральное разложение номенклатурной элиты достигло своего апогея.

Владельцами фабрик и заводов, которые строили поколения трудящихся, стала кучка начальников и функционеров ВЛКСМ и КПСС, были такие лже-патриотические общины. Численность партийной номенклатуры в те времена составляла 3 000 000 паразитов! Ничего не делающих болтунов, протирающих штаны и юбки в уютных креслах. Они превращались из «товарищей» в господ феодалов. Они и стали первыми капиталистами активно участвовавшими в собственном обогащении и развале страны.

«Во имя чего и зачем разрушена и моя жизнь, и уничтожено миллионы других судеб?

Во имя блага паразитов?! Зачем же этих паразитов взращивали, как в инкубаторе? Может, тоже диверсия?» – с опаской подумала R/A9kmm...

Советская сверхдержава, канула в вечность, подобно легендарной Атлантиде. Гибель этой великой цивилизации стала трагедией планетарного масштаба, сравнимой лишь с падением Римской империи. И страна была не просто уничтожена врагами, но посмертно оболгана, обесчещена, утоплена в грязи и помоях.

Десятилетиями людей грабила сидящая у них на головах власть, а точнее, колониальная администрация, а они радовались, что наступила свобода и можно делать всё, что хочется. Из страны выводились миллиарды, потому что всё стало можно. Для того и дали свободу...

И нынешние R/Vm – рабочая биомасса, радовалась, хотя никто наверху их не слушал, наоборот это они слушали, что им говорят сверху.

Сначала, рабочая толпа, с маркировкой R/Vm, ходила на какие-то выборы, выбирая, как ей казалось, добрых своих пастухов... Потом, толпу просто загнали в стойло, вернее, они сами туда зашли... как послушное стадо, идущее за сладкой морковкой...

А смотрящие буржуины даже дали определение этому послушному стаду, с маркировкой на запястье, R/Vm – «умное копыто»...

Вот так... Хотя, падение Великой державы, СССР, началось задолго до этого... медленное и не заметное для обывателя, приближая крах советской империи. Шаг за шагом теньевые структуры будут разрушать науку и культуру, промышленность, экономику и идеологию, а главное, ломать психику советского человека. И в итоге, чтобы наконец-то вылепить из советского гражданина совкового дегенерата, который за джинсы и жвачку будет унижаться перед западом... людей приводят к оскотиниванию. Население в 200 миллионов людей будут ходить в одних и тех же носках, инженерная элита будет одета в тряпки, подтираться газетами, единственный холодильник на всю страну выходит с ручкой от ЗИЛа... Диверсии на предприятиях приводят к техногенным катастрофам, таким как Чернобыль.

Страна будет трещать по швам...

Однако, чем дальше от Советской эпохи, тем более очевидной становится простая истина: СССР был не империей зла, как шипел запад, а потерянным раем...

Роза Андреевна, R/A9kmm, остановила просмотр. Достаточно... слишком опасно заглядывать в запрещённое прошлое... Настоящее было совсем другим. Но она знала, что история государств скрытна и запутана и пишется в угоду сильному. Потому всегда очень сложно докопаться до подлинной сути вещей. Но есть логика и здравый смысл – путеводная звезда идущего вперёд.

Кавалеры ордена Лукоморья

*«У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том...»*

А. Пушкин

В этот день Андрей не пошёл шляться по достопримечательностям. Впечатлений было достаточно. А духота отупляла сонное тело ленью. Только беспокойная Лейла сновала туда и сюда по комнате.

Квартира Лейлы представляла собой гардеробную, в которой она всё время занималась подборкой всевозможного женского белья, для выхода в свет. Постоянно она притаскивала в дом какую-то вещь и вещичку, и примеряла обновку. Потом забывала о ней и тянула в гнездышко новую блестящую цапку-пецку и штучку-дрючку.

А женщина, особа эмансипированная, поэтому носить может всё. И даже мужские семейные трусы. Мужик же бабское бельё напялит, в сексуальное меньшинство запишут. И где половое равенство?

Парадигма женского равенства – проталкивание им шмоток. Результат: вы заходите в магазин и видите горы никому не нужного барахла, никому непотребного..., кроме впечатлительных и возбуждённых очей ваших милых созданий. И это не барахло вовсе, а ценные шмотки, принадлежности аксессуаров бесчисленного дамского туалета, изыск галантерейного вкуса и писк души. Но дамские трусишки в две полоски стоят, как шуба, а о шубе вообще забыть...

А империалисты предприимчивые и тут сообразили – «Добро пожаловать в секонд хэнд».

Традиция эта появилась в старой доброй Англии, вельможа прислуге, с барского плеча, жаловал кафтан. Вот и к нам такая роскошь заехала. С барской дамской задницы – трусишки-неделька. Солидно и дешёво. Фифа заграничная, должно быть, их всего-то неделю и тягала.

Другое дело восток, где женскому персоналу выдаётся одноразовая паранджа.

И... будьте любезны, носите, хоть недельку, хоть пожизненно. И не потому, что жмотистые эмиры или шейхи. Восток – дело тонкое. Порядок любит.

Андрей зачитывал Лейле «кодекс женщин востока»

– Зато мужики ихние водку «дринкают» изредко и по ночам, чтоб аллах не видел, а не «глушат» круглосуточно и еженедельно, как наши.

Вот и вся женская логика.

Сегодня снова Лейла занималась подборкой вечернего туалета.

– Ты помнишь, куда мы вечером идём?

– Конечно, к Фире Самуэйловне, на спиритический банкет.

– Тёте Фире приснилось вчера нечто неприличное. Словом, кал. Я посмотрела по соннику, это к деньгам.

– И снится чудный сон Татьяне...

– В гостях не паясничай.

Андрей повернулся к телевизору. По ящику выступал колоритный юморист, пародируя то ли лингвиста, то ли юриста. Он виртуозно цитировал поговорки на разных языках, блистая учёностью. Заступался за бедных и журил богатых, и наоборот. Говорил о законе и беззаконии. По ходу, на повышенных тонах, обзывал «подонками» и «негодьями», воображаемых и несогласных оппонентов. То ли бранился по-отечески, то ли чувственно переживал от сердца, было

не понятно. Оратор увлекал толпу крепкими выражениями, театральной мимикой и жестикуляцией, входя честно в образ по системе Станиславского.

Это Жириковский, «новый русский» политик – пояснила Лейла.

Всё было необычно и зрелищно, забавно и интересно, потому, что такого ещё не было. А глава государства, напротив, излучал глубокое добродушие и, находясь хорошо под мухой, пародировал сам себя, к удовольствию публики.

Позже поймёт Андрей, что на цирковой арене страны, каждый по-своему изощряясь, привлекал внимание к собственной персоне. Изобретательно демонстрируя новую мораль: «Всё, что плохо – это очень хорошо, а если гадко – вовсе замечательно! А мерзко – брависсимо!!!»

Аплодисменты.

В гостях Лейлу встречали, как японского дипломата. Она любезно жеманилась. Цвела и пахла веткой сакуры. Подставляла целовать ручку Марку Израйлевичу. Важно нашёптывала тёте Фире грандиозную чепуху и по-приятельски хихикала, выпрыгивая плечиками из блузы.

Фира Самуэйловна жаловалась на суровую жизнь, накрывая на стол. Увесистые фарфоровые блюда музейными экспонатами возникали на белой скатерти. Глубокую китайскую салатницу с ажурными кружевными боками окружили разнообразные формы живописных тарелок, раскрываясь фарфоровыми бутонами. Демонстрируя столовую роскошь.

– Хорошие сны снятся тёте Фире, – шепнул Андрей Лейлочке.

С китайской улыбкой она теребила отполированным коготком золотую цепочку с кулоном. Хозяйка выплывала из кухни с хрустальной вазой.

Андрей вышел на балкон. Выпустила огонёк зажигалка. Язычок облизал сигарету пламенем и спрятался, как маленький злобный демон.

Появился двоюродный племянник Марка Израйлевича, Боба Маркович с супругой Жужей и увесистой золотой цепью на шее.

Андрей заметил, что у всей проходящих и уже пришедших, золотая цепура являлась, обязательным атрибутом, как у дуба, который произрастал у известного лукоморья.

Лейла представила его Андрею – Боба, мой бывший муж.

Боба, в свою очередь, представил бывшей жене нынешнюю супругу. Потом Жужа и Боба обнялись и, как дружная семья, закурили на брудершафт. Супруга Бобы жадно поедала дым, стреляя утомленным глазом. Черная ресница крылом бабочки разгоняла волшебное облако.

– Не могу избавиться от назойливой привычки, – по-приятельски призналась она Андрею, кокетливо выпуская колечко, вертя в пальчиках изящную сигаретку.

– Да, месть индейцев европейской цивилизации. Ничто не проходит бесследно.

Огоньками сигарет замигало небо. Сизый дым млечного пути потянулся от балкона в чёрную таинственную бесконечность геометрических созвездий над головой. А город, отражаясь внизу, раскуривал свои земные жизни. Посыпая голову пеплом.

Тётя Фира еще хлопотала у стола. Он, как ювелирная витрина, наполнялся громадой дефицитного изобилия, накрываясь.

Боба Маркович втихаря потягивал рюмочку. Андрей снова закурил. Нога Жужи, как киска, потерлась о его штанину. Андрей деликатно погладил ее через шёлковую вуаль платья, и подался с балкона, во избежание недоразумений с хозяином этого домашнего животного.

Марк Израйлевич зажёт свечи. Огонь алыми лепестками распускался в чёрных канделябрах. Бархатный локон Жужи, соскочивший с плеча, волновался страстью. Обнаженная шея бросила вызов столовому серебру, в котором как призрак бродит мятежный дух французской гильотины. Демонстрируя солидность, гости усаживались за стол. Развернулась на скатерти земля обетованная. Дети Моисея пришли объедаться манной небесной. На звенящем фарфоре балыки и осетровые возлежали, как императоры на носилках, отнерестившись красной и чёрной икрой. Бриллиантовые зёрна жирно мерцали маслянистым сиянием подводного царства. Удачливый невод Марка Израйлевича в глубине пучин полноводной Волги натолкнулся на сокровища золотой рыбыны, распоров её пузо, как диадему.

Губы Андрея коснулись кошачьего ушка Жужи:

– Что хоть за праздник?

– Год памяти Бориса Львовича, – с надрывом произнесла она. Ресница её задрожала, выкатив блестящую жемчужину слезинки.

Обронила целомудрие хрустальная рюмка. Полилась зеркальная струя, выползая за тонкий поясок стопочки. И звенящей льдинкой хрустнула. Потекла золотая жидкость в желудок. Наполняя нектарной эссенцией, как пчелиную соту. А коньячный дух вошел через ноздрю и ударил по башке.

Цветёт-таки вересковый мед.

И зацветает не раз в году, как волшебный папоротник, а обильно медоносит. И течёт он по липким усам и в рот попадает как положено. И свадьба там – горькая. Поминки – сладкие. А за всем этим – медовое попоище грешных праведников.

Фира Самуэйловна подавала холодные закуски. По белой скатерти, как расписные челны, поплыли телячьи мозги с зелёным горошком и помидорами. Сочные маслины поблёскивали воловьим оком. Зелёная горошина изумрудинкой каталась по мозговой извилине, массируя её. Улучшая интеллектуальное пищеварение.

Паштет из печени и рыбный паштет возвышались из фарфора могильными холмиками, завершая интеллектуальный триумф для желудка. Анчоусы с петрушкой разевали поджаристые рты и золотились хрустящей корочкой. Вяленая скумбрия с луком тонкими ломтиками излучала бронзовое сияние из-под сахарных лимонных долек. Марк Израйлевич лакомился куриным филе с майонезом. Подавали грибы с ветчиной. И грибы по-испански – фирменное блюдо для гостей. Кровяные колбаски с пикантным соусом. Сосиски с сыром. Изобиловали салаты. Блюда с салатиками Лейла метала, как карты: салат с чесноком, со сметаной и огурцами, с помидорами, с варёными яйцами, с петрушкой, салат из маслин, свеклы, зелёной фасоли, морковки, порея. Салат оливье в хрустальной салатнице. Подавали оливье как русский салат.

На стол ставили графины с соком: малиновым, клубничным, морковным, ананасовым.

Витаминный сок должен был взбодрить уснувшую поджелудочную железу. Помидорная долька соскочила с вилки, спрыгнув на ковер. Пальцы выхватили белую салфетку, как перчатку для дуэли. Андрей нагнулся под стол. Шёлковое платье Жужи волновалось и ёрзало. Она

семафорила алыми трусиками, как Ассоль капитану Грею. Шаловливый пальчик, опоясанный колечком, невинно блеснул кошачьим глазом хризопраза.

Боба поглощал жюльен из грибов, облизываясь как кот. Лейла, тяпнув стопочку коньячка, закусывала горячим бутербродом с ветчиной.

Гости ублажали желудки.

Эмма Рафаиловна, сладкая деловая женщина и вдова, сидела напротив. Одета в чёрный бархат, как в монашеские одежды. Аккуратные пальчики музицируя перебирали поджаристое крылышко цыплёнка табака. Увесистые рыжие безделушки свисали гроздьями, вспыхивая бусинками брильянтов. Декольтированный бюст, одетый в золотое кольцо, излучал волшебное сияние царственной персоны...

Что удивило Андрея, так это сидящий с ней рядом пассажир, со скучающим лицом. Не вписывающийся внешним видом в диараму поминально-праздничной роскоши.

– Это бедный еврей Вася, её ну очень дальний родственник – прошептала Лейла.

– Он недавно отирается у вдовы, но у него такие связи в Афинах! И фамилия у него подозрительно непонятная, то ли комиссарская, то ли гусарская – Комиссаржевский. Может он греческий шпион?

Бедный еврей Вася, заметив на себе посторонний взгляд, галантно улыбнулся, одарив Андрея золотой фиксой с блёском брильянтка.

Марк Израйлевич наполнял медовый наперсточек Эмме Рафаиловне. Вдова пригубила, промокнув коралловые губы воздушной салфеточкой. Янтарное сияние выплёскивалось из рюмочки. Боба налегал на фужер. Вылавливал из риса улитку. Трапеза чинно продолжалась.

Лейла выставляла на стол тушёных цыплят и рябчиков с жареными яблоками. Подавала на левое крыло куриный бульон опоздавшему. Андрей выскользнул из-за стола, разминая сигарету.

Вышел на балкон. Хмельная свежесть шлёпала по телу шагами командора. В чёрном жемчужном небе плавала царицей луна. И вздрагивали звёзды.

Тень Жужи облокотилась на перила. Серебряная пепельница с головой Люцифера качнулась в белых коготках.

– Ожерелье запуталось в волосах – пояснила Жужжа.

Андрей бросил в горло Люциферу окурков, извлекая пленницу из объятий украшения. Гиацинтовые камешки побежали по пальцам. Рука Жужи, как мышка, юркнула ему за воротник, а глаза оказались у его переносицы.

Чёрная гардина лоджии проглотила силуэт, оставив только кошачьи зрачки Жужи. Сердце её носилось по всему телу и пальцы Андрея прослушивали его, как доктор.

Поскакала по кафелю хризопразовая серёжка, цокая шпилькой эльфы. Гуттаперчивый позвоночник Жужи извивался, как ящерица. Змеиное тельце готовилось отбрасывать хвост... Жужжа учащённо дышала, шаря зрачками по сторонам и одёргивая платье.

– Ну всё, теперь надо найти украшение...

Андрей нагнулся. Вспыхнула зажигалка. И огонек побежал по зеркально блестящему полу. Сияющая серёжка монеткой легла на ладонь.

А за столом подавали халву и фрукты. Лейла с кофейником обслуживала главу семьи. Извлекая из ажурной сахарницы белые кубики. Они булькали по вкусу.

В вазе из цветного стекла, порезанный тонкими скибками, как струной, лежал, готовый раскрыться веером сахарный арбуз. Ятаганами легли по бокам смуглые дынные дольки, обтянутые тонкой капроновой кожурой. На блюде, разбросав себя гроздьями, развалились виноградные гроздья, мерцающая сочной влагой.

Жужжа, как мартышка, выхватила банан, мило похабничая. Фира Самуэйловна подносила кофейные коктейли и грог. Чёрная вдова ела мороженое кипарисовой ложечкой. Бархатный кошачий язычок слизывал сливки.

Андрей дернул коньячную стопку. Сочно хрустнул сахарным лимоном. Показывая кислую физиономию Лейле.

На её золотых часиках время подкатилось к полуночи. Бобу Марковича проводили в душевую. На стол легла бирюзовая скатерть и побежала волной. Из кухни доносился голос неугомонной Лейлы. Позёвывала Жужа.

– Будут вызывать духов.

Духи уже толпились за спиной и наступали друг другу на тапочки. Боба, вернувшись из душевой, сделал «дринк» и погрузил упитанный зад в кресло.

Еврей Вася стрельнул сигарету и исчез на балконе.

Лейла медитировала, настраивая себя.

Вдова теребила безделушки на руках, сверкая перламутром. Чёрное платье отливало уверенной торжественностью.

Жужа грызла гранат, подтачивая мышинными зубками пурпурные сердечки зёрнышек.

– Нервничает перед свиданием. Не лишена сентиментальности.

Супруг вдовы, Борис Львович, ушедший безвременно, оставил после себя шикарную уютную обстановку, пару тройку машин и прочие житейские мелочи, о которых не успел распорядиться по сотовому телефону. Эмма Рафаиловна желала выяснения деталей. Она гипнотизировала глазами Лейлу и натянуто улыбалась, мелькнув деликатно язычком. Лица присутствовавших, наполненные глубиной откровения, как бокалы в первый тост, поблескивали испариной легкого алкоголя. Покатилась скользкая капля пота...

Лейла приступила к церемонии. Используя способ Агриппы и опираясь на собственное «я», не разделяя мнения Овидия. Погружая в гипнабельный сон, который превращал комнату в бирюзовую лужайку. Ресница Жужи хлопнула крылом, как бабочка, и застыла. Андрей коснулся её рукой. И сам ступил на зелёный бархат... он увидел... искупанные росой, влажные травинки высывали взъерошенные головы из-под большого листа подорожника. Сияли чистотой неба упругие капли, зависающие пузатой букашкой на сочно-серебряном шатающемся стебле.... Испугавшись чего-то, быстро нырнули в траву, затаившись. Заблестела поляна в дрожащем сиянии, будто слеза прокатилась по ней, сорвавшаяся украдкой, упала и разбилась, разлетевшись на брызги. И застыла...

А жёлтые одуванчики тут же проросли в воспоминании. Изумрудный луг детства, усыпанный золотыми дождинками цветов. Облака подбросили лёгкости тумана. Засиял зеркальный пруд. И глупая утка шумно бросила в зыбкую воду своё тело. Разбудила сонные мысли неба, отражающиеся в воде осколками.

Вышли призраки, как первые тени. Словно, из глубины царства Аида – памяти. Они пришли напиться горячего молока детства из бирюзовой лужайки, где у каждого зацветает она янтарным сиянием. Вытягивая из подсознания живые нервы нейронов.

Как мираж появился силуэт покойного. Сквозь него мерцали свечи.

Лейла задула одну.

– Он рядом со мной, видите?

– Это наш Борюся, – подтвердила Жужа.

Пальцы вдовы перебирали зелёную бахрому скатерти, заплетая её в неправильную косичку.

Эмма Рафаиловна была внешне спокойна. Она обратилась к призраку. Андрей отошёл в глубь комнаты, наблюдая. Призрак не отвечал, продолжая перемещаться в полумраке. Она следила за ним. Глаза демонически блеснули.

Эмму Рафаиловну интересовал таинственный расчётный счет банка сказочной страны Швейцарии, куда безвременно ушедший вложил несметные капиталы, захлопнув надёжно, как на ключ, своей кончиной. Призрак молчал. Лейла помогала ему, как переводчик дипломата.

Передала привет от родственников, справилась о здоровье, самочувствии, погоде. Всё шло как надо, кроме цифр счёта.

В глазах Лейлы забегали беспокойные огоньки.

– Покойный не хочет открывать своей тайны.

Эмма Рафаиловна побледнела.

– Но он откроет её по совершеннолетию ребёнка.

– Бог ты мой, это через пятнадцать лет, – произнесла вдова.

– А кто сейчас будет платить алименты?!

Спиритический сеанс закончился. Лейла выдворила духов. Полетел догонять своих Борис Львович, налюбовавшись сексуальной красавицей супругой. Включили электричество. Хрустальная люстра брызнула светом в глаза. На лоджии Андрей встретил Бобу. Тот проветривался, обмахивая себя Жужинными красными трусиками.

– Жужелица опять потеряла. Наверное, резинка слабая.

– Ага. – Андрей подкурил.

– Ничего, лето ведь. А зимой теряет?

– Зимой колготы теряет....

– Ты береги её, простудится.

– Не простудится. Она в проруби купается со спортсменами.

– Горячая у тебя жена.

Возвращались в ночном такси. Глубокая ночь медленно выпивала город, как кофе, дымя рассветом. Лейла не лестно характеризовала бриллиантовую вдовушку.

– Еврейская морда.

– Знаешь, в чем проблема человечества по отношению к еврейской нации?

– В чем?

– В собственном свинстве. Не раз вытаскивала она из грязи свинство человеческое. И ещё вытащит. В том, что морда – Эмма, возможно. Но, если паровоз задавил Анну Каренину, это не значит проклинать железную дорогу, и вместе с ней Черепановых, создателей паровоза.

Нацисты истребляли коммунистов, как красную чуму, цыган, как мусор, а евреев, как разумную и богатую элиту. Чтобы не быть вторым – надо убрать первого. Принцип мартышки – принцип домино.

Лейла махнула ладошкой.

– У них везде свои. Даже на небе.

Малиновое солнце готовило горизонт для торжественного выхода. Ветер преданно облизывал волосы. В воздухе неба зависла первая одинокая ласточка. Город еще спал...

Мысль – стремительная и разрушающая, как торнадо, и спокойно льющаяся, как музыка.

Мозг животного в стремительной гонке, сортируя, отбрасывая, накапливал миллионы сложнейших утонченных вариаций психического поведения, создавая невообразимо сложнейший организм. И вот он на блюдечке эволюционного стола – кушайте с хреном. У кого тарелка глубже, у кого корыто больше, а у кого и столовые приборы краше – тот и царь природы.

Через несколько дней Андрей улетел в Казань к Сулеймановым. Из шахтёрского городка они перекочевали туда.

Лейла перед этим наказала посетить её историческую родину Чувашию. И передать по указанному адресу ценный чемоданчик со шмотками. От Казани до Чебоксар – рукой подать.

Сулеймановы встретили его с царскими почестями. Две недели ещё он шабашил в Казанском университете зодчим. Вставляя в витражный каркас стекла с орнаментальным решением новой геральдики. Орудую стеклорезом. И утверждая автономию политическим витражом. Местных корифеев науки расписывал, что святых. Рихтовал металлические подрамники «све-

жей» наглядной агитации, в духе нового капиталистического реализма. Словом, реконструировал художественную часть, почти как храм Василия блаженного безмянные зодчие.

В Чувашской, республике райцентра Кугеси, в двух шагах от столицы, заполнял квадратные акры росписи тематическими сюжетами о здоровой жизни чувашского населения.

В этот раз грация Мельпомена явилась к нему в белом халате безалаберной патронажной сестры. С молодыми крепкими ляжками. Андрей предложил написать портрет её дедушки Айболита. Маслом в интерьере или на пленэре. Ограничились её эротическим набросками в кабинете медперсонала.

В Чебоксары он прибыл утренней электричкой около десяти часов местного времени. В лепных барельефах железнодорожного вокзала остывало монументальное прошлое уходящего социалистического реализма. Но об этом ещё только догадывались.

Над городом разливалось белое небо и полоскала в нём воздушные облака чувашская богиня дома и очага Турри. С Волги раскуривал бычок трубы маленький пароходик, блестя металлическим портсигаром боков. Гоняла каникулы на водных велосипедах молодёжь. Булькали пивом киоски. А пиво здесь не ячменного разлива, а что ни на есть – хмельного.

Вьется зелёным горошком в поднебесье хмель. Раскудрявый, гибкий, как из сказки про волшебный бобовый стебель, переливается изумрудными стручками, прямо к солнцу уходит, туда, где миндалеокая Турри. А она из солнечных лучей и хмеля душистого нектар варит – царь-пиво называется! Чешским разливом здесь полощут горло. Разве что с легендарным мёдом вересковым сравним благородный напиток.

Вытер Андрей пену с губ, поблагодарил щедро. И приступил к осмотру прочих достопримечательностей города. А их немало. Постамент Василию Ивановичу Чапаеву и его коню, например. Застыл легендарный комдив в бронзовом величии, подобно императору. Бархатная пыль лоснится на голенище.

Гарцует он по разухабистым анекдотам Петрушкой. Гоняет его устная народная глупость, как за водкой. И Петьке пятак тычет. А кинематограф советский ещё и пулемётчицу Анку, как домработницу определил к ним. Без бабы мужикам нельзя. Выставлены герои на потеху. Быстро бежит время.

Глянул как-то Василий Иванович с монументальной плиты. Снова Анка у разбитого корыта полощет портянку. А по Волге круги по воде расходятся. Уходит на дно изобилие пролетарское, за которое кровь проливали. И народа тьма-тьмушая. – Веди в бой, Иваныч, додохотались...

Есть еще национальный герой в городе. Памятник космонавту Николаеву, как завершение легендарного сухопутного марша – полётом в космос. Насуплено бронзовое чело. В космос не приглашает. С горючим топливом проблемы.

Закончились достопримечательности. Пошагал Андрей поручение Лейлы выполнять. А по дороге чувашек расспрашивать, правильно ли путь держит. Потому, как чуваки его не интересовали.

В обществе владычицы океана

«Там чудеса, там леший бродит,

Русалка на ветвях сидит...»

А. Пушкин

Андрей без труда отыскал родственников Лейлы и вручил ценный чемодончик.

Родичи уже и ждать перестали посылку. Очень обрадовались, что курьер не спёр её и доставил груз по назначению. Товар тут же распаковали. Чемоданчик был набит множеством разноцветных бюстгальтеров, деревянными ложками, пакетами с кошачьим кормом, детскими ботиночками, комбинезончиками и прочим дефицитным товаром, который с удовольствием тут же примеряли и пробовали. Хозяйева пообещали созвониться с Лейлой и попросили заглянуть вечерком.

Вечерком Андрей и заглянул, с бутылочкой водочки, как полагается. Законы гостеприимства одинаковы везде. У гостеприимных хозяев тоже с собой было.

По телефону Лейла торжественно сообщила:

– У Эммы Рафаиловны есть заказ для тебя на море.

– Рисовать её в неглиже, на фоне Пантикапея?

– Не знаю. Жужа тебя очень хорошо отрекомендовала, как специалиста своего дела.

– А твоя магическая ересь там не потребна? Сорок семь пантаклей Соломона или талисман счастья?

– Тоже надо. Встречаемся через два дня в Адлере. Нас будут ждать.

Уполномоченный представитель от вдовы, Валера, прибыл вовремя вместе с Лейлой, подкатив на огромном джипе, похожем на буржуйский саквояж. С ненавязчивым сервисом галантности и светским ярлыком улыбки. Улыбка таких людей – визитная фотография. Отпечаток ладони, хлопающей по щеке.

Улыбается запанибрата Веселый Роджер пиратской улыбкой, говоря – Ничего нет страшнее смерти. На ядовитую улыбку Лукреции мон-синьоры слетались как мошки на огонь. Казанова подавал улыбку, как пирожные, дамочкам.

Хозяйева жизни улыбаются деловой улыбкой Мефистофеля. Невозможно отказать.

Сели с Лейлой и двинули прямо от аэропорта в Сочи.

К загородному особняку вдовы подъехали быстро. Охрана с мраморными лицами запустила в аппартаменты особняка. С фонтанами, кипарисами, пальмами и богатой фантазией в стиле «вампир».

– Это окраина Курортного проспекта – шёпотом пояснила Лейла.

– Это, как московская Рублёвка.

– Мне «это» ни о чём не говорит.

Андрей вышел из машины.

Каменные джунгли прорастали на мощном бутовом фундаменте, утверждая монументально величавой громадой зарождение новой «эры роскоши».

В голубом озере бассейна странный человек пускал бумажные кораблики. Молодой даламатинец с шумом рассекал волну, охотясь на них, как на дичь. Дорога из жёлтой тротуарной плитки привела во дворец. Шикарное крыльцо, как ложа оплывало зеркальными гранитными ступенями. Солнечные лучи плавали по полированной плоскости, ослепительно стекая растаявшим северным сиянием. Бело-мраморные колонны, будто лебеди, стремительно выплывали из волшебной сказки, скользя по чёрному гляncу. Подхватив грациозными гранеными кры-

льями изумрудный купол, покрытый пластинами меди, в котором купались жёлтые лучи. Он раскрывался зелёным шатром в виде гигантского листа магнолии над парадным подъездом. Сквозь него бирюзой проливалось небо. Витиевато кованые перила были покрыты ониксом.

Лейла дар речи потеряла ещё у ворот, ротик открывает, как рыбка, надышаться богатством хочет.

Двери распахнулись. Сменяли одна другую комнаты, демонстрируя изыск интерьера и изящество мебелированных форм, от воздушных пеньюаров гардин – до всяких прочих аксессуарных мелочей.

На втором этаже, в стеклянной лоджии раскинулся зимний сад. Претендуя на соперничество с висячими садами Семирамиды. Фараоном быть не запретишь. Каждому им хочется побыть. Во сне или наяву. Хоть самую малость. В крайнем случае – просто опрокинуться дорогой стопочкой, чтоб море по колено.

А море ослепительной бирюзой просматривалось сквозь приоткрытое окно с классической витражной композицией. Богатая палитра стекла: фисташковая, оливковая, шартрез, аквамарин с вкраплением минералов оливково-зелёного и тёмного берилла.

Эмма Рафаиловна сидела в экзотическом кресле, с обивкой под леопардову шкуру, в позе египетской царицы. Из-под ковра мягко блестел инкрустированный паркет, ослепляя подошву. Стены изысканно сияли маникюрной палитрой фракталиса с венецианским покрытием, вперемешку с барельефными зеркалами и картинами в тяжёлых позолоченных рамах, от которых шло свечение...

Хозяйка поджидала гостей по-домашнему и в приятном настроении. В дешёвых бриллиантовых сережках с простенькими изумрудами и тапочках на босу ногу. Лишь пару побрякушек из белого золота болталось на её пальчиках. В кофе плавали спелые сливки. Сигаретный дым пах импортной парфюмерией. Деловая беседа состоялась не в кабинете хозяйки, а прямо здесь, за хрустальной столешницей, резного журнального столика, оправленного в ажурное литьё бронзы. Свежее утро дарило бесплатно дорогую ласку и лучезарность, и осыпало солнечной мелочью.

Глаза хозяйки стояли, как хризантемы в стакане, с обворожительными и пушистыми ресницами. Разговор был непринужденным, почти по душам. Требовалось блеснуть художественным вкусом и умелой творческой рукой. Эмма Рафаиловна желала экзотический комплекс русалки – океанариум на дому.

Предстояло в свободном полёте фантазии забабахать подводное царство, куда, как к себе в джакузи, в пучину, могла нырнуть она владычницей морскою. А золотые рыбки чтоб на посылках ей служили. – «Будьте любезны».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.